

Аномальщики. Мутный лес

Андрей
Бондаренко

Аномальщики

Андрей Бондаренко

Мутный Лес

«Автор»

2012

Бондаренко А.

Мутный Лес / А. Бондаренко — «Автор»,
2012 — (Аномальщики)

В Уставе студенческого исследовательского клуба «Аномальщики» значилось: «Наша главная задача заключается в планомерном, целенаправленном и тщательном изучении всех аномальных (естественных!) зон, располагающихся на планете Земля...» Поэтому, когда из Республики Коми поступила информация об обнаружении новой, ещё ни кем не изученной аномальной зоны, наполненной разнообразными странностями, члены клуба тут же, практически не раздумывая, принялись паковать рюкзаки. Вот, так просто, непритязательно и буднично они всегда и начинаются, призрачные Дороги, ведущие в тайную и загадочную Неизвестность...

© Бондаренко А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От Автора	5
Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвёртая	30
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Бондаренко

Аномальщики. Мутный Лес

От Автора

В Уставе студенческого исследовательского клуба – «Аномальщики» значилось: – «Наша главная задача заключается в планомерном, целенаправленном и тщательном изучении всех аномальных (естественных!) зон, располагающихся на планете Земля...»

Поэтому, когда из Республики Коми поступила информация об обнаружении новой, ещё ни кем не изученной аномальной зоны, наполненной разнообразными странностями, члены клуба тут же, практически не раздумывая, принялись паковать рюкзаки.

Вот, так просто, непритязательно и буднично они всегда и начинаются, призрачные Дороги, ведущие в тайную и загадочную Неизвестность. В данном конкретном случае – в Кошачий Мир...

Вторая книга этого цикла так и будет называться: – «Аномальщики. Кошачий Мир»

Автор

Пролог

Эльзе не нравилось в этом чужом для неё Мире. Или же на чужой планете? Она так этого и не поняла. Навалились – откуда не возьмись – подлые арархи, обездвигили, доставили на суд, обвинили во всех смертных грехах, осудили, приговорили к общественно-полезным работам, поместили в тело гуманоида (спасибо, что женского пола), и отправили.... Куда отправили?

– А Бог его знает, – неторопливо бредя по хвойному весеннему мелколесью, бормотала Эльза. – Место как место. В меру спокойное, в меру поганое. И не такие приходилось посещать.... Облик гуманоида? Позорно, конечно. Но, ничего, перетерплю. За дело, в общем-то, досталось. Контрабандная торговля новейшими плазменными технологиями – серьёзное преступление, спора нет. Всё жадность проклятая, доставшаяся в наследство от славных предков. Поделом. Мол, никогда не перегибай палку и всегда знай меру.... Здешние должностные обязанности? Так, ерунда пустая и несерьёзная. Осуществлять комплексную охрану объекта. Отпугивать любопытствующих. Встречать одних путешественников и провожать других. Ничего хитрого и экстраординарного.... И, собственно, что? Охранные пояса, предусмотренные должностными служебными инструкциями, выставлены. Любопытных аборигенов, пробравшихся внутрь зоны, не наблюдается. Впрочем, как и путешественников с обеих сторон.... И зачем, интересно, мечтательные арархи оборудовали этот новый Портал? На всякий случай? Про запас? Ладно, их дела.... И всё бы ничего, работа как работа, но имеет место быть одна досадная неприятность. Уже на месте выяснилось, что придётся провести на Земле семьдесят семь местных лет. Понятное дело, что при возвращении Время сожмётся самым парадоксальным образом. Мол, на Мирре прошёл от силы месяц. Или, допустим, три. Не помню я уже математических принципов этого хитрого пересчёта. Но, всё равно.... Нехорошо, честное слово, получилось. Тьфу, да и только. Я за неполный тутошний год чуть не сошла с ума от серой и вязкой скуки. А что дальше будет? И представить страшно. Если бы события какие-нибудь происходили. Тогда бы.... Мол, при активной жизненной динамике и Время течёт гораздо быстрее. Так, нет. Тишь и гладь, да Божья благодать.... Кстати, болтаю-то я на местном наречии достаточно бойко и складно, но, к сожалению, чётко не понимая смысла сказанного. Вот, к примеру, кто такой этот самый – «Бог»? Так и не удосужились объяснить. Арархи туповатые и скользкие. Что с них, самовлюблённых олухов, взять? А спросить-то – не у кого.... Ещё, понимаешь, летательный аппарат работает со сбоями. Эти легкомысленные деятели умудрились разместить Портал рядом с солидным планетарным разломом. Магнитное поле неустойчивое. Что-то там ещё. Вот, двигатель – время от времени – и капризничает. И взлетать-то лишний раз как-то не тянет. Ну, ни капельки.... Чу. Что это шуршит на склоне? Лосиха с лосёнком? Непоседливые северные олени забрели? Или же началась сезонная миграция диких кабанов? Ну-ка, ну-ка.... Чёрт, только этого и не хватало. Кажется, абориген пожаловал. Как же он, морда периферийная, прошёл через Охранные пояса? Непорядок....

По склону холма, ловко лавируя среди молоденьких сосёнок, пихт, ёлочек и лиственниц, неторопливо шагал гуманоид. То есть, «человек» – именно этим неоднозначным термином именовались в служебных инструкциях местные разумные аборигены.

Человек – бородатый молодой мужчина в старенькой брезентовой штормовке, украшенной многочисленными заплатками – выглядел слегка испуганным и удивлённым: крепко сжимая в ладонях двуствольное ружьё, тревожно оглядывался по сторонам и задумчиво хмурился.

– Заплутал, милоч? – выходя из-за гранитного валуна, заботливо поинтересовалась Эльза. – Оно и понятно, места здесь шибко блудливые.... Э-э, ружьишко-то, родной, отведи – на всякий случай – в сторону. Пальнёшь ещё с испугу, не приведи Бог. Хотя, если и пальнёшь, то не велика беда. В том сакральном смысле, что всё равно промажешь.... Кстати. А, вот, Бог. Кто он такой? Не подскажешь?

– М-м-м..., – послушно опустив ружьё стволами вниз, замялся туземец. – Бог? Ну, это такая мыслящая и могущественная Субстанция. Высший Вселенский Разум, если коротко.

– Спасибо, странник проходящий. Доходчиво и по сути объяснил. Молодец. И глаза у тебя хорошие. Думающие такие. Хотя и грустные при этом, с тоскливой поволокой.... Как же ты, бородатенький, забрёл в мой отдалённый и секретный оазис? Неужели, по дороге не повстречал ничего странного и необычного?

– Повстречал, конечно, бабушка-шаманка. Много чего. Всякого и разного. До сих пор мурашки по спине бегает наглой стаей. Холодные такие, колючие...

– Почему же не повернул назад? – ласково и вопрошающе улыбнулась Эльза. – Такой смелый и отважный, страха не ведающий? Воин? Странствующий паладин?

– Не то – чтобы смелый, – смущённо улыбнулся в ответ мужчина. – Просто, так получилось, философ по жизни. Привык ко всему необычному и непривычному относиться спокойно, без излишней суеты.

– Бывает...

Эльза, стараясь не делать резких движений, медленно опустила коричневую морщинистую руку в карман широкого тёмно-коричневого малахая, щедро расшитого во всех местах цветным бисером, и перевела указательным пальцем в правую сторону крохотный тумблер, вмонтированный в тёмно-зелёную продолговатую коробочку. Прибор тут же начал послушно излучать соответствующие волны.

– О-о-о! – оскалившись, схватился за голову ладонями абориген. – Как больно!

– Ба-бах! – выстрелило ружьё, упавшее на землю.

– Этого и следовало ожидать, – поморщилась Эльза. – Недотёпа и олух. Не поставил оружие на предохранитель.... Ну, бродяга неразумный, будешь ещё шастать по запретным местам?

– О-о-о! Не буду...

– Точно? Не врёшь?

– Обещаю, тётенька-шаманка. Не буду. Честное благородное слово. Пощади, ради Бога...

– Ладно, поверю на первый раз. Сугубо ради Высшего Вселенского Разума, – Эльза перевела – на чуть-чуть – тумблер приборчика влево. – Гуляй, бродяга неприкаянный. Я сегодня добрая. Весна, голубое небо, птички чирикают.... Стой! Ружьишко-то подбери. Мне оно ни к чему. Обхожусь пока скромными шаманскими силами. Ну, и Божьей помощью в довесок, понятное дело...

Глава первая

Спиленный идол

Они покинули метеостанцию на рассвете.

Над Печёрой медленно поднималась, слегка клубясь, вязкая туманная дымка. Поднималась, клубилась и медленно заползала-затягивалась в узкую долину, ограниченную высокими речными обрывами, скрывая от глаз Мутный Материк. Только позолоченный крест маленькой деревенской церквушки, высовываясь из тумана, горделиво блестел, усердно отражая первые солнечные лучи.

– Пойдём в ту сторону, – уверенно махнул рукой Сергей. – Угол, образуемый руслом Печоры и линией нашего предстоящего маршрута, должен составлять примерно шестьдесят градусов. Из серии: – «Величина биссектрисы всегда меньше величины суммы катетов...»

– Причём здесь, пардон, какая-то биссектриса? – уточнила дотошная Натка (клубное прозвище – «Птичка»). – Поясни, уважаемый проводник. Если, конечно, не трудно.

– Не трудно. Можно, конечно, идти и другим, насквозь альтернативным путём. Сперва берегом Печёры, вверх по течению. Потом – вдоль русла Малой Мутной, до места намеченной переправы. Мы же, будучи людьми образованными и продвинутыми, рванём напрямик, через болото. Что называется, срежем угол. Километров восемнадцать-двадцать, при этом, сэкономим. Всё ясно? Очень хорошо. Тогда, бойцы, достали флакончики с антикомариным спреем и попрыскались от души. Ещё, не скупитесь. На здешних топких болотах нынче гнуса вылетело – без счёта.... Попрыскались? Вваливаем на плечи рюкзаки и выдвигаемся на маршрут. Назаров!

– Здесь, – лениво зевнул Пашка. – Чего надо, родной?

– Сразу видно, что ты в российской армии не служил, – досадливо поморщился начальник метеостанции.

– Не служил, грешен. Сразу после школы подался в студенты. Ну, и что из того? Теперь, значит, можно меня чморить почём зря? Мол, штатская неженка, не знакомая с волшебной армейской дисциплиной? Не советую, командир. И в табло может запросто прилететь.

– Чего крысишься, Назаров? Когда это я тебе, грубияну, успел оттоптать любимый мозоль?

– Это он, господин проводник, изволит ревновать, – встряла в разговор вредная Наташка. – Лизавета на тебя, рыцаря печального образа, посматривает с ярко-выраженным пиететом, вот, Рыжий и психует. Нервный и трепетный он у нас, а толстокожим и грубым обломом только прикидывается...

– Птичка, прекращай ломать комедию. Обижусь.

– Сам дурак.

– Отставить дружескую пикировку! – прикрикнул Сергей. – Нашли место и время. Значится так.... Назаров!

– Здесь я. Чего надо, начальник?

– Замыкающим пойдёшь.

– Почему я? – возмутился Пашка. – Из-за рыжего цвета волос?

– Потому, что ты самый здоровый, крепкий и выносливый. Будешь помогать отстающим и слабосильным. А также старательно прикрывать-охранять тыл нашего отряда. Держи карабин наготове, но с предохранителя – без должных на то причин – не снимай. Вопросы?

– От кого охранять-то? В смысле, тыл? От диких голодных зверей и криминальных чело- веков?

– И от них тоже, – невозмутимо подтвердил Подопригора. – Посматривай, короче говоря.... Вот, возьми, – протянул чёрный брусок, оснащённый длинной антенной. – Это, дружок мой штатский, армейская рация. Радиус действия в тайге – порядка пятнадцати километров. Одна будет у меня, другая – у тебя. Чисто на всякий случай. Мобильная связь здесь работает плохо и не регулярно, мол, профильных вышек ещё маловато расставили в наших заброшенных краях.... Всё, разговоры закончены. Порядок передвижения следующий: я, Лиза, Иван Палыч, близнецы, Птичка, Назаров. Он же – Рыжий.... На болоте можно встретиться со змеями, но бояться их не стоит, так как вы все в резиновых сапогах. Главное, не нагибайтесь и не наступайте на гадов. Просто аккуратно, в обычном темпе, проходите мимо.... За мной. Веселей шагаем, орлы и орлицы питерские! Бодрей и активней шевелим помидорами....

Болотце, заросшее смешанным редколесьем и хилыми кустиками цветущего вереска, началось метров через сто пятьдесят. Под подошвами резиновых сапог противно зачавкало, а пышный светло-зелёный мох заходил нешуточными волнами.

– Рекомендуемая дистанция друг от друга – пятнадцать метров! – долетел от головы отряда зычный голос Сергея. – Все слышали?

– Все! – громко прокричала в ответ Наталья, шедшая перед Пашкой, после чего принялась отчаянно хлопать ладошками по бёдрам, затянутым в толстые брезентовые штаны. – Ой, больно. Насквозь, твари гадкие, брезент прокусывают. И импортный антикомариный спрей на них, гадов кровососущих, не действует....

– Это да. Что есть, то есть, – согласился Назаров. – Местные слепни и оводы, так их и растак, звери натуральные и безжалостные. Хорошо ещё, что гнус и мошкара ведут себя прилично. То бишь, мать их всех, держатся по сторонам и не набрасываются.

– Во-первых, заканчивай выражаться. Я хоть и потомственная буровичка в пятом колене, но, всё же, дама. Во-вторых, попрошу соблюдать рекомендованную дистанцию. Чтобы, тыфу-тыфу-тыфу, не провалиться – за пустыми разговорами – в холодную болотистую пучину.

– Как скажешь, подруга буровая.... Кстати, Птичка, могу дать реально-полезный совет.

– Излагай, соратник.

– Вытащи нож из ножен и, не прекращая движения вперёд, нарежь берёзовых веток, а потом сложи их вместе. Получится классный веник – на манер банного. Иди себе по тропинке и, не ведая сомнений, усердно хлещи веником по ляжкам-коленкам. Действенный способ, проверенный неоднократно.

– Спасибо, конечно.

– Не за что. Всегда обращайся. В дельном совете, по крайней мере, никогда не откажу....

Узкая тропа, равнодушно проплутав по болоту километров шесть-семь, привела к бойкому и шумному ручью, через который был переброшен бревенчатый мостик – хлипкий и очень узкий.

– Как-то неуверенна я в себе, – остановившись на берегу ручья, призналась Натка. – Запросто могу навернуться. А до воды с камушками метра три, наверное. Никак не меньше. Костей потом не соберёшь.... С другой стороны, остальные-то прошли. Может, и я смогу? Как думаешь, Павлик?

– Избавься от поклажи и переберись на противоположный берег налегке, – предложил Назаров.

– А как же мой рюкзак?

– Я его переброшу через ручей.

– Ну-ну, перебросил один такой, – недоверчиво хмыкнула Наташка. – Здесь порядка пятнадцати метров будет.

– Не спорь со старшими, девчонка сопливая. Сказал – переброшу, значит, переброшу. Давай, помогу снять рюкзачок.... Ничего себе, тяжёленький. Килограмм семнадцать-восемнадцать. Какие-то трубки алюминиевые торчат наружу.... Что там у тебя?

– Надувная резиновая лодка. Трёхместная, из арсенала российских «эмчээсников». А ещё насос, ремонтный комплект, вставные сиденья, всякие клапана и разборные вёсла.

– Зачем нам понадобилась надувная лодка? – удивился Пашка. – Был же разговор, что, мол, в районе намеченной переправы через реку имеется крепкая деревянная лодка, спрятанная в прибрежных кустах.

– Не знаю. Серёжа сказал, что на всякий пожарный случай. Типа – для пушей подстраховки.

– Он ещё, ко всему прочему, и махровый перестраховщик? Ну-ну.... Ладно, потомственная буровичка, поболтали и будет. Приступай к форсированию водной преграды. Не тяни...

Натка прошла на настил моста, плавно опустилась на четвереньки и медленно-медленно двинулась вперёд.

Ручей угрожающе рокотал и гневно плевался ключьями грязно-белой пены, длинные, слегка подгнившие жерди предательски прогибались и раскачивались, а Наташка жалобно бормотала-вскрикивала:

– Мамочка моя родненькая. Я же высоты боюсь.... Ой! Как страшно-то. Мамулечка моя.... Ой! И зачем только я приехала сюда?

Минуты через две с половиной девушка, всё же, успешно перебралась через ручей.

– Жива, лягушка-путешественница? – выждав секунд двадцать-тридцать, насмешливо поинтересовался Назаров.

– Вроде бы, – с трудом поднимаясь на ноги, неуверенно шмыгнула носом Натка. – Даже не описалась. Только руки и ноги до сих пор слегка подрагивают.... А обзывать обязательно? Какая я тебе – лягушка? Неужели, похожа? Мол, маленького росточка, приземистая и толстая?

– Извини, Птичка. Я ничего такого не имел в виду.... Отойди-ка в сторону. Дальше. Ещё дальше...

Пашка, прислонив карабин к трухлявому берёзовому пеньку, взял в руки рюкзак с надувной лодкой и, старательно раскатав его, ловко перебросил через ручей.

– Спасибо большое, Рыжий, – поблагодарила вежливая Наталья. – Ты меня здорово выручил.

– Не за что. Давай, не спи. Хватай поклажу и догоняй остальных.

– А ты? Может, помочь?

– Не стоит, – поправив на плечах широкие лямки рюкзака, в котором находилось килограмм тридцать пять различных продовольственных припасов, и подхватив карабин, Назаров – широкими шагами – перебрался через мостик, после чего, ободряюще подмигнув, повторил: – Не спи, путешественница. Надо товарищей догонять. Вот, твой рюкзачок. Вставляй руки в наплечные ремни.

– Ага. Спасибо...

Пашка размеренно шагал по тропе и, насторожённо оглядываясь по сторонам, размышлял: – «Лес вокруг совершенно обычный, только хиловатый слегка. И это нормально – до Полярного круга рукой подать, в районе ста двадцати километров. Мох пышный, светло-зелёный. Морошка цветёт всю симпатичными белыми цветочками. Чёрные камни густо испещрены тёмно-фиолетовыми и ядовито-жёлтыми лишайниками. Кукушка кукует вдалеке. Ящерица, застыв на куске чёрного базальта, беззаботно греется на утреннем солнышке. Слепни и оводы зверствуют. Гнус, сбившись в огромные тучи, монотонно гудит над головой. А деревья смотрятся здоровыми, никаких визуальных следов мутаций. Значит, до аномальной зоны мы ещё не добрались...».

– А-а-а! – послышался сдавленный девичий крик. – А-а-а...

Назаров, предварительно сняв карабин с предохранителя, бросился – со всех ног – вперёд.

Натка крепко прижималась рюкзаком к гладкой базальтовой скале, а в её огромных серых глазницах плескался липкий ужас.

– Т-т-там, впереди, за к-к-камнем, з-з-змея, – подрагивая побелевшими губами, сообщила девушка. – П-п-переползает через т-т-тропу.

– Змея? И только-то? Подумаешь. Ваш разлюбленный начальник метеостанции предупредил о таком варианте.

– Оч-ч-чень большая з-з-змея. Ог-г-громная...

– Ладно, стой здесь. Проверю.

Пашка осторожно выглянул из-за рваного ребра скалы и, длинно вздохнув, признал:

– Действительно, блин горелый, здоровущая. Длинная-длинная, иссиня-чёрная, толщиной с мою ногу. А хвост украшен...э-э-э, уродливым тёмно-коричневым наростом, слегка напоминающим огромную сосновую шишку.

– Ч-ч-что же теперь д-д-делать? А, П-п-павлик?

– Ничего особенного делать не будем. Просто подождём немного.... Эй, кыш отсюда! Уползай, морда наглая! Кыш! Уползай.... Ну, вот, путь открыт. Шагаем.

– Уверен?

– На все сто. Я же тебе русским языком толкую – змея уползла.

– А почему она – такая большая? Натуральная анаконда из субтропических южноамериканских джунглей.... Разве в северных лесах Республики Коми водятся анаконды?

– В аномальных зонах всякое возможно. По крайней мере, так наш Палыч излагает.... Слушай, сокурсница, а для чего ты попёрлась с нами? Сидела бы себе на мамкиной комфортабельной даче под Питером и горя бы не знала. Высоты боишься. Змей опасаясь.

– Надо было, вот, и попёрлась, – неожиданно разозлилась Наталья. – Тебя, охламона широкоплечего, забыла спросить. Шагаем.... Кстати, рельеф местности устойчиво идёт на подъем. Мох уже не качается под ногами. Так что, можно идти рядом...

Тропа неуклонно и планомерно поднималась вверх. Вскоре исчезли пышные мхи и цветные лишайники, а им на смену пришли разлапистые буро-зелёные папоротники. Да и лес из хвойного постепенно преобразовался в смешанный.

– Дымком пахнет, – встревожено задёрнула крыльями носа Натка. – Всё сильнее и сильнее. А ветер, как раз, дует в нашу сторону.... Впереди бушует страшный лесной пожар? Может, ускоримся и догоним наших?

– Догоним, – мельком взглянув на наручные часы, пообещал Назаров. – Через двадцать пять минут. Никак не позже.

– С чего бы такая точность?

– С того самого, что на четырнадцать ноль-ноль наш проводник назначил обеденный привал. Он, понятное дело, задавака и пижон, каких ещё поискать. Но все обещания, похоже, держит. Так как является законченным педантом. Опять же, армейское прошлое...

В тринадцать пятьдесят пять, обогнув несколько огромных корней-выворотней, они вышли на плоскую вершину холма. Здесь всюду гулял холодный северный ветер, наполненный чуть горьковатым дымным привкусом, зато слепни, мошкара и гнус отсутствовали.

– О, весь отряд в сборе, – наскоро отдышавшись, обрадовалась Наталья. – Действительно, намечается привал, причём, совместно с сытным обедом. Как же я проголодалась! Словно самка песка на излёте суровой чукотской зимы. А как устала – словами не передать...

Иван Палыч, заложив руки за спину, сосредоточенно рассматривал трёхметрового деревянного идола, вырезанного из толстого соснового бревна и установленного в самом центре вершины. Идол был вкопан в землю и для пущей надёжности обложен – в несколько

рядов – крупными серо-розовыми валунами. Близнецы Петровы, достав из рюкзаков походные котелки, отправились вниз по склону, где – по всей видимости – располагался родник с чистой водой. А Сергей и Лиза, о чём-то тихонько переговариваясь и негромко пересмеиваясь, разводили костёр.

– Перекусить, конечно, не помешает, – стараясь не смотреть в сторону костра, согласился Пашка. – Воркуют, понимаешь, словно влюблённые голубки.

– Это точно. Ситуация – прямо как в той песенке.

– В какой?

– Из знаменитого кинофильма – «Большая перемена», – печально усмехнулась Натка. – Неужели не смотрел? Темнота ты, Павлик, беспросветная.... А песенка такая, слушай. Мы выбираем, нас выбирают. Как это часто – не совпадает. Я за тобою двигаюсь тенью. Я привыкаю – к несовпадениям...

– К чему это ты, Птичка? – непонимающе нахмурился Назаров. – Рифмованными шарадами, вдруг, заговорила.

– Не обращай, соратник, внимания. Это я так. Видимо, от навалившейся усталости.

– Ну-ну...

Он, сбросив с плеч тяжёлый рюкзак, подошёл к деревянному идолу.

Идол загадочно молчал. На северо-западе, где располагалась конечная точка их маршрута, простиралась – до самого горизонта – тёмно-зелёная тайга. А на севере в безоблачное голубое небо плавно поднималась, хищно изогнувшись крутой дугой, широкая полоса бело-серого дыма.

– Это что, такой сильный лесной пожар? – спросил Пашка.

– Не угадал, юноша. Самые обыкновенные дымокурни, – отозвался Профессор. – Зыряне¹ жгут мокрый хворост и сырой зелёный мох, чтобы отпугивать от домашних северных оленей гнуса, комаров и прочую наглую мошкарку. К посёлку Мутный Материк, как-никак, приписано ООО «Северный», самое крупное оленеводческое хозяйство в Республике Коми.... Видел по дороге что-нибудь странное и необычное?

– Ага. Трёхметровую змею. Толстенную, чёрную, с уродливым наростом на хвосте. Вам, случайно, не попадалась?

– Нет, с гигантской чёрной змеей, слава Богу, не сталкивались. А, вот, гибрид дикого кабана и ящерицы по базальтовым скалам прыгал. Ловко так. Поскакал минуты полторы-две, а потом, громко хрюкнув на прощанье, юркнул в узкую горную расщелину.

– Как это – гибрид кабана и ящерицы?

– Обыкновенно. Морда и клыки кабаны, а хвост и лапы, по всей видимости, достались от лесной ящерицы. Шустрая такая животиночка, ничего не скажешь. А размером будет со среднестатистическую городскую дворнягу.

– Что же это получается? – задумчиво взлохматил волосы на затылке Назаров. – Аномальная зона расширяется?

– Вполне жизненная и приземлённая версия, – согласился Палыч. – И Сергей придерживается того же мнения. Мол, после его визита в Мутный Лес расширение зоны и началось. Считает, что старуха-шаманка слегка встревожилась и решила.... Не знаю я, честное слово, что она там решила и совершила, но теперь всякая экзотическая нечисть разгуливает – без зазрения совести – и по правому берегу Малой Мутной. То бишь, в качестве пограничных дозоров-разъездов.

– А биолокационной рамкой² пользовались?

¹ – Коми-зыряне – финно-угорский народ, коренное население Республики Коми.

² – Биолокационная рамка – два кусочка медной проволоки, прикрепленные к деревянным ручкам, простейшее приспособление, позволяющее определить наличие геопатогенных зон.

– Конечно. Там, где видели кабана-мутанта, проволочки вращались – как сумасшедшие. А здесь, возле деревянного Идола, не хотят.... Ладно, Рыжий, пошли к нашим товарищам, поучаствуем в сборе дровишек для костра. Нехорошо, когда одни путники заняты текущими походными делами и приготовлением сытной трапезы, а другие – в это же время – предаются праздной болтовне...

Обед (макароны с говяжьей тушёнкой под горячий крепкий чай с баранками, купленными вчера в поселковом магазине), уже подходил к концу, когда на восточном склоне зазвучал-затрещал мелодичный колокольчик.

Пашка тут же потянулся к карабину, прислонённому к берёзовой колодине.

– Не дёргайся, братишка, – посоветовал Сергей. – Это зыряне. Они мирные и безвредные.

– Поть, поть, поть! – послышалось сквозь звон колокольчика, и уже через пару минут на вершине холма появился целый караван.

Первым выступал матёрый рогач (с обломками рогов на замшевом лбу и бронзовым колокольчиком, подвешенным на шее с помощью блёкло-розовой ленты), на широкой спине которого важно восседал седовласый и узкоглазый старик, облачённый в нарядный тёмно-бордовый малахай. За вожаком послушно следовали два молодых оленя, не отягощённые каким-либо грузом. Замыкал походную колонну неулыбчивый тёмнолицый мужчина в засаленном ватнике, несущий на плече двуручную пилу.

– Здравствуй, Вогул! – торопливо поднимаясь на ноги, поприветствовал старика начальник метеостанции. – Рад встрече, дружище. Извини, но не знаю имени твоего спутника.... Проходите, гости дорогие, к костру, пока чай не остыл.

– Это Никша, мой средний сын, – ловко слезая с оленя, сообщил пожилой комяк. – Он олешками займётся. То, да сё. Молод ещё, короче.... А я чайку, пожалуй, попью. Крепкого и сладкого. Только любимую кружку достану из походной сумки...

«Тёмнолицый Никша только делает вид, что занимается оленями», – внутренне поморщился Назаров. – «А на самом деле, подлец и морда неумытая, глазее на Лизавету. Сво-лочь озабоченная и похотливая. Потомственный оленивод, а туда же.... С другой стороны, как на Лизку не глазеть? Натуральная и патентованная фотомоделка, типа – девяносто-шесть-десять-девяносто. Или что-то около того. Таких незабываемых роковых красоток в этих диких краях отродясь не видали.... Да, дела-делишки эротические. Ещё по весне я с Лизаветой целовался взасос – как и полагается, на последнем ряду «киношного» зала. А что теперь? Разговоров старательно избегает, глаза стыдливо отводит в сторону. Неужели, всерьёз влюбилась в этого бородатого Серёгу? Прав, всё же, был бессмертный классик, сказав в своё время, мол: – «О, женщины! Вам имя – вероломство...». Ещё как прав. Так его и растак...».

Когда пожилой зырянин, вволю напившись предложенного чаю, поставил пустую алюминиевую кружку на плоский камушек, Сергей вежливо поинтересовался:

– Уважаемый, а что ты забыл на вершине этого холма? Зачем привёл сюда олешек?

– Печёрского Деревянного Бога надо забрать. Обязательно надо. Непременно. Отпилим, предварительно убрав камни, над самой землёй. Потом крепко привяжем верёвками к оленьим спинам и увезём. Для того чтобы установить в другом месте.

– Зачем – в другом?

– Так надо. Негоже ему смотреть в ту сторону, – достав из кармана малахая самодельную курительную трубку, указал на северо-запад Вогул. – Чернотой веет оттуда. Веет и веет. Причём, чужой чернотой. Бог может ослепнуть.

– Вы – шаман? – вмешался в разговор общительный Палыч. – Умеете распознавать суть вещей и природных явлений?

Старик, кряхтя, поднялся на ноги, неторопливо подошёл к костру, вытащил из аметистовых углей лениво тлевшую сосновую ветку, умело раскурил трубку и, выпустив изо рта белосерое облако ароматного табачного дыма, ответил:

– Ошибаешься, Профессор. Какой из меня шаман? Я, наоборот, знатный оленевод.

– Так и я давно уже не профессор, а заслуженный российский пенсионер...

– Не лукавь, очкарик. «Профессор» – это твоё имя. По крайней мере, именно так тебя часто величают за глаза.

– Ладно, пусть будет по-вашему, господин Вогул. Профессор, так Профессор, – благодарно не стал спорить Иван Палыч. – Позвольте задать вопрос?

– Спрашивай. Или же задавай. Как хочешь.

– Вы сказали, мол: – «Печёрский Деревянный Бог». А почему, извините, именно «Печёрский»?

– Не извиняйся, Профессор. Всё просто. Коми-зыряне бывают разные: верхневычегодцы, нижневычегодцы, вишерцы, вымичи, ижемцы, прилузцы, сысолыцы, удорцы. А мы – печорцы, так как пасём олешек вдоль реки Печёры и её правых притоков. Поэтому и Бог наш – Печёрский.... Я понятно объяснил?

– Понятно и очень доходчиво. Большое вам спасибо...

Вогул тщательно выбил трубку о каблук кирзового сапога и, запихав её в карман малахая, объявил:

– Пора приниматься за работу. Сын, однако, заждался.... А вы, легкомысленные путники, собрались переправиться через Малую Мутную и немного погулять по тамошним неспокойным местам? Ну-ну. Смотрите, не загуляйтесь до смерти.... Может, сразу, пока ещё не поздно, повернёте назад? В том смысле, что от греха подальше? Пока Души не почернели и не зачерствели? Впрочем, вам решать. Каждый взрослый и разумный человек волен самостоятельно выбирать жизненную Дорогу.... Птичка, – внимательно посмотрел на Наталью, – присматривай там за ними, неразумными. Договорились?

– Я постараюсь, – став очень серьёзной, торжественно заверила девушка. – По мере сил...

Старик, неодобрительно и жалостливо повздыхав, ушёл.

Вскоре над вершиной холма недвусмысленно поплыли характерные звуки, сопровождавшие размеренную работу двуручной пилы:

– Вжиг-вжиг! Вжиг-вжиг! Вжиг-вжиг...

Пашка сидел на корточках возле умирающего костра и рассеянно наблюдал за таинственно-потусторонним мерцанием лениво-дотлевавших тёмно-тёмно-малиновых угольков.

Он сидел и наблюдал, а в его забубённой рыжеволосой голове бродили тревожные мысли: – «Странно всё это, мать его. Трёхметровые змеи. Шустрые кабаны-ящерицы. Деревянный Идол, подлежащий срочному переносу. Непонятные речи старого оленевода, щедро сдобренные мутными намёками и многослойными недоговорённостями.... Кстати, а откуда он знает Птичку? Почему обратился именно к ней? Мол, присматривай там? Ничего не понимаю. Ничегошеньки и даже меньше.... Зачем всё это? Для чего? Почему? Как же я, блин горелый, умудрился ввязаться в эту сомнительную и легкомысленную авантюру?».

Память, не теряя времени даром, тут же любезно напомнила – как...

Глава вторая

Ретроспектива 001. Пашка, новая зона

На очередное заседание клуба Назаров явился первым.

Так, вот, получилось. С утра надо было проводить двоюродного брата Саньку, уезжавшего на производственную преддипломную практику в город Апатиты далёкой Мурманской области.

К десяти двадцати Пашка подъехал на Ладожский вокзал, помог братану загрузить вещи в вагон, попрощался, дежурно помахал ладонью вслед уходящему поезду и, направляясь к метро, задумался: – «Что теперь делать? Вернуться в общагу? И ради чего, спрашивается? Чтобы полчаса тупо провалять дурака и снова ехать? Лучше сразу, будучи пацаном сообразительным, направлюсь в Универ. Да и пивка выпить – ради поднятия общего тонуса и бодрости духа – по дороге не помешает...».

Под студенческие «клубы по интересам» был отведён старинный трёхэтажный флигель, расположенный внутри университетского двора.

– Ты, Рыжий, сегодня всех опередил, – приветливо улыбнулась ему знакомая вахтёрша. – Шустёр, бродяга. Держи ключик... Э-э, стой! А в журнале кто будет расписываться? Пушкин?

Назаров – по выщербленной бетонной лестнице – поднялся на второй этаж, прошёл направо узким коридорчиком метров сорок-пятьдесят и, отомкнув ключом высокую светло-бежевую дверь, украшенную маленькой табличкой со скромной надписью – «Аномальщики», вошёл внутрь.

В помещении царил (по причине малого количества узких окон), таинственный и вязкий полусумрак. Пахло благородной средневековой стариной, сухими полевыми травами-цветами и пыльным театральным занавесом.

Пашка щёлкнул выключателем, в длинном зале – без какого-либо стройного порядка – начали загораться, болезненно подмигивая, секции «дневного света».

В зале? Да, именно функцию зала для проведения различных заседаний-совещаний и выполняла эта просторная комната. В её дальнем торце была оборудована высокая трибуна для речистых докладчиков и пафосных ораторов. Рядом с трибуной располагались ровные ряды стареньких кресел – общим числом порядка шестидесяти. На правой стенке – между редкими узкими окнами – были развешены портреты знаменитых путешественников, авантюристов и писателей-фантастов: Колумба, Магеллана, Америго Веспуччи, Педро Альвареса Кабрала, Себастьяна дель Коно, братьев Лаптевых, Пржевальского, Невельского, Беринга, Седова, Жюль Верна, Беляева, братьев Стругацких... А вдоль левой стены выстроились разномастные книжные шкафы, заполненные картонными папками и скоросшивателями.

Назаров медленно шагал вдоль книжных шкафов и читал про себя названия, аккуратно выведенные на корешках папок и мало о чём говорящие несведущим гражданам: – «Город Мертвецов, Молебский треугольник, Верхотурье, Золотые ворота, Растес, СОПС, Чёртово городище, Шигирский идол, Аркаим, Вознесенская горка, Бермудский треугольник, Море дьявола, Гибралтарский клин, Афганская зона, Гавайская аномалия...».

Папок и скоросшивателей было много, порядка двух с половиной тысяч, и в них были собраны подробные аналитические материалы, посвящённые природным (естественным), аномальным зонам, беспорядочно разбросанным по планете Земля.

Что, собственно, следует понимать под термином – «аномальная зона»? Официальная версия гласит: – «Аномальная зона – это область, где долгое время и с некоторой регулярностью наблюдаются аномальные явления, не согласующиеся с официальной наукой или нехарактерные для данной местности...».

Ладно. А что такое – «аномальные явления»? Именно то, о чём так любят говорить на телевизионном канале ТВ-3: разнообразные НЛЮ, снежные люди, доисторические животные, птицы и гады, пробои во Времени, призраки и привидения, зомби, инопланетные пришельцы, оборотни, вампиры...

Впрочем, зал, предназначенный для совещаний и заседаний, Пашку интересовал мало. По разные стороны от трибуны – в торцевой стене – наличествовали две незапертые двери. За правой находился склад, на котором хранилось всякое и разное походное снаряжение, востребованное в дальних экспедициях. Склад и склад. Совершенно ничего интересного: палатки, штормовки, фуфайки, котелки, чайники, примусы, спальные мешки, удочки, спиннинги, биолокационные рамки, прочая ерунда. Зато за левой дверью располагался легендарный музей «Аномальщиков», экспонаты которого были старательно собраны, изучены и классифицированы за долгие годы работы клуба.

Назаров проследовал за левую дверь – он очень любил, прямо-таки обожал, бродить-слоняться по клубному музею. Здесь, право слово, было на что посмотреть: деревянные Божки, каменные Богини, фарфоровые шербаты кувшины, покрытые разлапистыми чёрными иероглифами, глиняные черепки, медные и серебряные монеты, осколки и обломки метеоритов, загадочные карты и планы, нарисованные от руки, асбестовые отпечатки следов йети, кости динозавров, клыки доисторических хищников, обломки бронзовых кинжалов, наконечники стрел и копий, амулеты и обереги, цветные и чёрно-белые фотографии, натюрморты и пейзажи, кольчуги и шлемы средневековых воинов, ну, и так далее. Из знаменитой серии: – «И Мир опять предстанет странным, закутанным в цветной туман...».

Пашка неторопливо бродил между высокими стеллажами и полками, заставленными всякой симпатичной разностью, и тихонько бормотал под нос:

– Хорошее место. Спокойное такое, наполненное – до самых краёв – позитивной энергетикой...

Когда он вернулся в зал, там уже находилось порядка двух десятков юношей и девушек. Назаров приветливо поздоровался со всеми, чуток похохмил, а потом, почувствовав льдистый холодок в затылке, плавно обернулся.

В дверном проёме стояла Она – самая симпатичная и желанная девушка на всём Белом свете: высокая, стройная, черноволосая, длинноногая, с милыми ямочками на щеках. Королева красоты, сто бочек прелести и неземной идеал, короче говоря.

– Лиза! – рванулся к дверям Пашка. – Я так рад тебя видеть! Я...

– Не шуми, Назаров, – состроив недовольную гримасу и тревожно оглядываясь по сторонам, тихонько попросила девушка. – Мы же с тобой договаривались. Пусть пройдёт время. Сколько? Я не знаю. Может, месяц. Может, два.

– Но ты же сама сказала тогда, в кинотеатре, что.... Что любишь меня...

– Говорила, не буду отрицать. А теперь, вот, сомневаюсь. Понимаешь, Рыжий? Сомневаюсь.... Всё, переносим этот разговор на потом. Пе-ре-но-сим.... Фу-у, да от тебя пивом пахнет. А, ведь, обещал вести трезвый образ жизни.... Отойди от меня, пожалуйста. О-той-ди. Не действуй на нервы. Иначе уйду.

– Понял, извини. Испаряюсь...

Пашка, стараясь не выглядеть побитой собакой и насвистывая под нос нечто брагурно-оптимистичное, проследовал к трибуне и занял свободное место в первом ряду.

Через минуту на соседнее кресло присела Наташка Кулик и непринуждённо спросила:

– Павлик, хочешь кедровых орешков? Уже очищенных от скорлупы? Настоящие, сибирские, отборные, вкусные. Мне отец прислал из Сибири, с оказией.... Так как, хочешь?

– Давай, – продолжая хмуриться, протянул ладонь Назаров и через полминуты одобрил: – Действительно, вкусные. Спасибо.

– Не за что...

Надо отметить, что Наташка была – в студенческих кругах – личностью известной и даже популярной. На геологоразведочном факультете Университета существовала одна сугубо мужская специализация, носившая гордое наименование – «Техника и технология разведки месторождений полезных ископаемых», сокращённо – «РТ». Так вот. На РТ готовили буровиков. А бурение скважин в земной коре, как всем известно, работа грубая и тяжёлая, связанная с железными трубами, кувалдами, солёным потом, кровавыми мозолями и соляжкой. Не дамское это дело, короче говоря. Но отчаянная Натка, наплевав на все мещанские стереотипы, вместе взятые, поступила именно на РТ. Сорок девять студентов (включая Павла Назарова), и одна студентка. Нестандартный и эксклюзивный случай. Причём, студентка Кулик по результатам учёбы была одной из лучших на потоке, и все экзамены первого курса сдала на одни «пятёрки».

«Птичка – отличный товарищ», – решил Пашка. – «Кедровыми орешками, понимаешь, поделилась. И, вообще.... Правильная она девица – простая, добрая и компанейская. А ещё смелая, честная и выдержанная. В семье образовались неприятности, отец с матерью – на грани развода, а она ничего, держится и не истерит.... Только, блин горелый, с внешностью Наташке откровенно не повезло: невысокая, веснушчатая, нескладная, волосы блёклые какие-то, да и лишних килограмм наберётся с десяток. Зато глаза у неё очень красивые – большие, выразительные, тёмно-серые, в цвет северных озёр.... Вот же, парадокс гадкий! Писанные красавицы, как правило, непонятны, ветрены и капризны до полной и нескончаемой невозможности. Все нервы вынут-вывернут и сведут – в конечном итоге – с ума. А с «серыми мышками», почему-то, всё наоборот. Обидно и несправедливо, честное слово...».

В зале наметилось определённое оживление, сопровождаемое радостными воплями и восторженными междометиями.

– Наш Профессор прибыл, – оглянувшись, сообщила Натка. – Бодрый, улыбочивый и весёлый. С горящим весенним глазом. Знать, образовались, наконец-таки, позитивные новости...

– Очередное, шестьсот восемьдесят второе заседание студенческого исследовательского клуба «Аномальщики» объявляю открытым! – в мгновение ока взобравшись на трибуну и надувшись гордым мыльным пузырьком, пафосно объявил Иван Палыч, являвшийся уже на протяжении девятнадцати лет бессменным Президентом означенного клуба. – Поздравляю вас, уважаемые коллеги и соратники, с этим знаменательным и знаковым событием!

– Ура! Привет! Даёшь! Слава уфологии³! – от души похлопав в ладоши, вразнобой отошлись «уважаемые коллеги». – Рады, Палыч, видеть вас в добром здравии...

Вообще-то, Иван Павлович Лазаренко – доктор технических наук, член-корреспондент Российской Академии Наук, лауреат целого букета Государственных премий – уже почти пять лет, как являлся заслуженным российским пенсионером. Но, тем не менее, свой родной Горный институт имени Г.В. Плеханова (ныне – Национальный минерально-сырьевой Университет), не позабыл. И приболевших преподавателей подменял регулярно, и читал лекции на курсах повышения квалификации, и, понятное дело, руководил – с нескрываемым удовольствием – деятельностью студенческого клуба «Аномальщики». Студенты и преподаватели Университета традиционно именовали И. П. Лазаренко – «Палычем». А в частных разговорах между собой – «Профессором». Именно так – с большой буквы. Он же, в свою очередь, величал студентов – в зависимости от настроения – либо «юношами и девушками», либо «коллегами и соратниками». Первый вариант был характерен для периодов глубокой задумчивости и хронической неуверенности. А второй, наоборот, говорил о том, что Палыч принял некое судьбоносное решение и охвачен нешуточным охотничьим азартом...

³ – Уфология – квазинаука, занимающаяся изучением свидетельств о существовании НЛО, о палеоконтактах в истории человечества, а также о других паранормальных явлениях.

– Начинаю наше заседание, как и предписывают незыблемые традиции, с изложения свежего тематического анекдота, – радостно сверкая толстыми линзами профессорских очков, продолжил Иван Палыч. – Итак. В заброшенных пермских штольнях, где в прошлые седые века добывали поваренную соль, пропало восемнадцать уфологов. На место неприятного происшествия оперативно прибыла Государственная комиссия из Москвы, состоящая из разномастных чиновников. Лезть в штольни уважаемые чиновники не решились, мол: – «Чур, меня!». Поговорили-поболтали с местными жителями, тщательно изучили научные материалы, любезно предоставленные всезнающим Интернетом, провели несколько расширенных совещаний, после чего вынесли авторитетный вердикт: – «Пропавших чудаков рекомендуется искать в окрестностях Альдебарана...». Чего молчим, соратники и соратницы? Анекдот, собственно, закончен. Можете смеяться. Э-э-э, юноши и девушки...

Раздались жидкие аплодисменты, сопровождаемые вежливым хмыканьем.

– Можно мне попробовать? – поднялся с места Пашка. – Спасибо за оказанное доверие, коллеги. Приступаю.... Утро мы встретили, как и полагается настоящим матёрым уфологам, в районном вытрезвителе. Были все наши, плюсом – несколько журналистов из молодёжных изданий. Обсудили животрепещущие вопросы давешнего вторжения квазигуманоидов. Помечтали о свежем пиве. Наметили планы на текущий полевой сезон...

– Молодец, Назаров! – одобрил парнишка с заднего ряда. – Актуальная и жизненная тематика. Полностью солидарен.

– Кто о чём, а Рыжий, как и всегда, о пиве пенном, – известил недовольный голосок Лизаветы. – Всё остальное его практически не интересует. Алкоголик законченный.

– Подумаешь, – усаживаясь на место, обиженно пробурчал Пашка. – Не очень-то и хотелось.

– Не расстраивайся, – по-приятельски подмигнула Наталья. – Моралистка, блин, выискала. Ничего в пиве не понимает, а туда же.

– Тем не менее, в анекдоте, рассказанном нашим рыжеволосым соратником, присутствует здоровое зерно, – многообещающе усмехнулся с трибуны Иван Палыч. – Речь, естественно, идёт о планах на текущий полевой сезон.... Ага, бродяги и двоечники, попритихли? Ушки на макушки? Оно и правильно. То бишь, исключительно верно и дальновидно...

– Что за дела? – зазвучали недовольные голоса. – Не тяните, Палыч, кота за пушистый хвост! Излагайте по делу!

– Намекаете, что я – старый и прожжённый интриган? Есть немного, не буду отрицать. Грешен. Ладно, будь по-вашему.... Официально и ответственно объявляю. Славная и щедрая организация MUFON⁴ выделила студенческому клубу «Аномальщики» целевой денежный грант на осуществление полевых научно-исследовательских работ. Финансовые средства в размере тридцати пяти тысяч долларов США уже поступили на наш расчётный счёт.

– Ура! Ура! Ура!

– Уфолог уфологу – друг, товарищ и брат!

– Да здравствует – полноценный полевой сезон!

Через несколько минут, когда всеобщий ажиотаж пошёл на спад, а восторженные вопли стихли, Профессор продолжил:

– На прошлом заседании, как вы, надеюсь, помните, был составлен перечень отечественных аномальных зон, достойных...э-э-э, нашего пристального внимания. А в качестве объекта, подлежащего первоочередным полевым исследованиям, был выделен так называемый –

⁴ – MUFON – «Всеобщая уфологическая сеть», международная организация уфологов, её штаб-квартира базируется в американском городе Денвер, штат Колорадо.

«Молебский треугольник»⁵). Однако, ситуация изменилась. С достославным треугольником, пожалуй, мы разберёмся в следующий раз...

– Как же так, Палыч?

– Это нечестно! Мы же всё уже согласовали! Три с половиной часа спорили до хрипоты...

– Несправедливо!

– Долой!

– Прекращайте бузить, соратники! Я готов предоставить развёрнутые и серьёзные объяснения! Попрошу тишины! Ну, успокоились? Итак... Назаров, если вам, конечно, не трудно, окажите небольшую услугу.

– Всё, что угодно, – поднимаясь на ноги, заверил Пашка. – В разумных пределах, понятное дело.

– В разумных, в разумных, обещаю... Подойдите, пожалуйста, к центральному стеллажу. Вторая полка снизу. Достаньте коричневую папку с надписью на корешке – «Языческая роща» и доставьте её ко мне... Большое спасибо. Признателен. Садитесь.

– Известное и знаменитое место, – одобрительно хмыкнула Лизавета. – Про него даже недавно рассказывали по телевизору, в полуторачасовой передаче. Кажется, на канале ТВ-3.

– Очень знаменитое, – развязывая шнурки на папке, подтвердил Иван Палыч. – Тем не менее, я, что называется, освежу ваше информационное поле. Вдруг, не все из присутствующих в курсе? Итак... Аномальная зона «Языческая роща» располагается в Республике Коми, в окрестностях села Корткерос. Вернее, в трёх с половиной километрах от вышеупомянутого села, на берегу протоки Кортвис, впадающей в реку Вычегду. Что странного и необычного наблюдается в этой зоне? Что заслуживает пристального внимания со стороны любознательных уфологов? Во-первых, тамошний старый дремучий лес, состоящий из кривых, перекрученных, переплетённых и сросшихся между собой деревьев. Вот, кстати, очень симпатичные и приметные фотографии. Желающие потом могут ознакомиться... Причём, речь идёт сразу о нескольких древесных породах – о соснах, елях, лиственницах и пихтах. На данном снимке видно, как из толстеного елового ствола произрастают молоденькие ветки сосны. Необъяснимое, с точки зрения современной науки, явление. Аномальная зона, короче говоря. Не отнять и не прибавить... Говорите, что во всём виновата коварная мутация? Вполне возможно. Вполне. Фотографии подтверждают, что наиболее искривлённые и перекрученные стволы старых пихт густо покрыты тёмно-багровыми почками-наростами, из которых выглядывают непонятные белосерые коконы. А эта густая желтоватая паутина, стелящаяся по верхушкам сосен? Мутация, однозначно. Только чем она вызвана? Вот, в чём ключевой вопрос... Во-вторых, в Языческой роще присутствует странный радиационный фон. Иногда он находится на нулевой отметке. А порой превышает все допустимые нормы-значения в три-четыре раза. С чем это связано? Неизвестно. Парадокс... В-третьих, в окрестностях, примыкающих к Корткеросу, полностью отсутствуют мыши и крысы. В-четвёртых, многочисленные свидетели рассказывают об НЛО, регулярно появлявшихся над Языческой рощей. Упоминаются и «голубоватые плоские диски», и «ярко-оранжевые шары разных диаметров», и «светло-зелёные усечённые пирамидки». Естественно, что все эти объекты перемещались по небу по загадочным и непредсказуемым траекториям, регулярно меняя – при этом – скорость передвижения. Перемещались, меняли и – в конечном итоге – пропадали... Ну, интересное местечко? То-то же. Но, должен признать, что у Языческой рощи – как у потенциального объекта научных исследований и изысканий – имеется один существенный недостаток. Попробуйте, друзья, угадать – какой.

– Можно, я? – вскинула вверх правую руку Наташка.

– Излагайте, соратница Птичка. Выслушаем с интересом.

⁵ – Молебский треугольник – известная геоаномальная зона, расположенная на границе Пермской и Свердловской областей, на левом берегу реки Сылвы.

– Языческая роща – очень известная аномальная зона. Более того, избыточно известная. Да и расположена она, с моей частной точки зрения, достаточно неудачно – всего-то в шестидесяти-семидесяти километрах от Салехарда. То есть, с посещением Языческой рощи не наблюдается никаких проблем, чем и пользуются все, кому не лень. За последние годы в районе Корткероса побывало несколько десятков различных экспедиций – и серьёзных уфологических, и «диких», то бишь, откровенно-развлекательных. Истоптали, засранцы очкастые, всё вдоль и поперёк.... А в самой Языческой роще нынче стало модным проводить всякие псевдонаучные съезды, симпозиумы и конференции. Придут бородатые деятели на полянку, разведут уютный костерок из скрученных-перекрученных сосновых веток, рассядутся на гнутых-перегнутых стволах пихт и давай – под регулярные водочные возлияния – часами трепаться о проблемах многострадальной российской уфологии. Дилетанты законченные и пижоны занюханые, мать их всех оптом. Извините, конечно. Но наболело.... Так что, я очень сомневаюсь, что Языческая роща представляет для нас хоть сколь-нибудь серьёзный научный интерес. Имеется в виду, в её теперешнем состоянии...

– Уважаемая Птичка ожидаемо зрит в корень. Молодец и умница, – похвалил Профессор. – Действительно, Языческая роща – на сегодняшний день – является полностью отработанным (по уфологическим меркам и понятиям), объектом. Слишком много шума было поднято вокруг этой симпатичной аномальной зоны. Научные экспедиции, шумные туристы, костры, тропы, песни под гитару, пустые бутылки и смятые консервные банки, съезды, симпозиумы, телевизионные группы.... Даже если в Языческой роще и присутствовала раньше некая...м-м-м, аномальная Сущность, то теперь она, девяносто девять процентов из ста, покинула эти рассекреченные места. Вернее, э-э-э, переселилась в другие, более спокойные и тихие края. По крайней мере, в последний раз появление НЛО над Корткеросом было зафиксировано в позапрошлом году. А после этого – как отрезало. Комментарии, что называется, излишни.... Но на прошлой неделе из Республики Коми поступила интересная, неожиданная и очень актуальная информация. Звонил один из моих учеников. Он окончил наш Университет пятнадцать лет тому назад. Но российская геология тогда находилась в упадке, работы по специальности не было, и Сергей завербовался по контракту в какую-то жутко-секретную военизированную структуру. Несколько лет провёл в зарубежных командировках, потом вернулся на Родину, а последние два года работает начальником метеостанции, обустроенной в Республики Коми, рядом с посёлком Мутный Материк.

– Странное название, – подозрительно покачал головой Пашка. – Красивое и поэтичное, конечно. Спора нет. Но, извините, не вызывающее избыточного доверия...

– Ничего странного и подозрительного. Мутный Материк располагается на берегу реки Печоры, на пятьсот-шестьсот километров к северо-востоку от Салехарда. Недалеко от села в Печёру впадает речка Малая Мутная. Ещё выше по течению – Большая Мутная. Вот, из-за этих географических особенностей и образовалось экзотическое название данного населённого пункта.... Возвращаюсь к основному вопросу сегодняшней повестки дня. Сергей сообщил, что случайно обнаружил – примерно в пятидесяти километрах от Мутного Материка – аномальную зону. Причём, зону, судя по всему, совсем молодую, ещё никем не исследованную и являющуюся прямым аналогом знаменитой Языческой рощи.

– Молодую – это как?

– Аналогом Языческой рощи? Что имеется в виду?

– Сейчас объясню, мои юные и любопытные соратники. Наберитесь, пожалуйста, терпения.... Прошлой осенью Сергей переправился через Малую Мутную и немного прогулялся по тамошней северной тайге. Зачем? С какой целью? Не знаю, честное профессорское слово. Сами потом у него спросите. Главное, что наш герой набрёл на приметный холм – правильной конической формы, поросший молоденькими ёлочками, соснами, лиственницами и пихтами. А ещё там ему удалось добыть-подстрелить много рябчиков и серых куропаток.... Этой весной

Серёга вновь отправился в те места. Переплыл на лодке через реку и сразу же почувствовал некую тревожную ауру. Спрятал лодку в густых прибрежных кустах, тронулся в путь – всякие странности скопом навалились: и ползающие, и бегающие и летающие. Какие конкретно? Не буду сейчас утомлять вас конкретными подробностями, всё равно не поверите.... Добрался путник до добычливого холма, но и там произошли кардинальные изменения: все молодые хвойные деревья искривились самым невероятным образом и причудливо переплелись между собой. Сергею раньше доводилось неоднократно бывать в Языческой роще, и он считает, что между этими аномальными зонами много общего. Понимаете? Возможно, новая аномальная зона (назовём её, к примеру, «Мутный Лес»), «родилась» прошедшей зимой в качестве замены старой, уже отработанной. Это, уважаемые коллеги и соратники, редкая удача. Редкостная, чёрт меня побери!

– А этот ваш...э-э-э, начальник метеостанции.... Он является адекватным человеком? Ему можно доверять? – засомневалась приземлённая Натка. – Ничего не выдумал? Ничего не приукрасил?

– Кто? Серёга Подопригора? – опешил Палыч. – Ну, ты, Птичка, даёшь! Серёга он.... Он – кремень!

– Иван Палыч, вы сказали, что фамилия у начальника метеостанции – «Подопригора»? – спросил звонкий, чуть подрагивающий девичий голос. – И он несколько лет провёл в зарубежных командировках? От жутко-секретного военного ведомства?

Пашка обернулся. В проходе, образованном рядами кресел и стеллажами с папками, стояла Лизавета – страшно взволнованная, красивая и очень бледная.

– словно простыня из номера шикарного пятизвёздного отеля, – тихонько прошептала Птичка. – Как бы в обморок не грохнулась. Ты, Павлик, подстраховал бы симпатию...

Глава третья

Сиреневый туман и острые зубы

– Вжиг-вжиг! Вжиг-вжиг! – монотонно, надоедливо и скорбно пела двуручная пила. – Вжиг-вжиг! Вжиг-вжиг...

– Будем сворачиваться, – объявил Подопригора. – Надо к вечеру дотопать до Малой Мутной и встать на её берегу крепким лагерем. А уже утром, после завтрака, приступим к форсированию данной водной преграды. Если, конечно, получится.

– Что, собственно, может не получиться? – не удержался от вопроса Пашка. – И почему лагерь – обязательно – должен быть крепким?

– Прекращай, Рыжий, выёживаться! – велела Лизавета. – Серёжа лучше знает, что надо делать.

– Конечно, ему виднее, – запихивая в большой котелок из-под макарон с тушёной маленькой котелок с остатками чая, язвительно прокомментировала Натка. – Такая, понимаешь, стильная борода. Упасть и не встать. Симпатичный тёмно-фиолетовый шрам мужественно змеится от правого виска к волевому подбородку. Шикарная пего-седая шевелюра. Массивная золотая серьга, украшенная ярким кроваво-красным камушком, элегантно болтается в мочке левого уха. Натуральный рубин? Охренеть и не проснуться. Шикуюм, Серёжа.... Ни дать, ни взять – натуральный героический предводитель шайки благородных пиратов. То бишь, среднестатистический герой любовных дамских романов, перемещённый – неведомой и волшебной силой – в наше скучное и меркантильное время.... А кто, блин пригоревший, будет после обеда мыть посуду? Кто, я вас, аристократов вшивых, спрашиваю? Благородный и отважный пират? Юная и мечтательная героиня, положившая голубой трепетный глаз на означенного бесстрашного пирата? Хрена лысого. Не дождётесь. Даже до морковкиного загавенья. Нынче им, личностям насквозь романтическим, не до пошлой бытовой ерунды.... Да и близнецы Петровы заняты. Они же у нас – экспедиционные художники. Достали из походных рюкзаков альбомы-карандаши, да и переместились поближе к Идолу, фиксируют (для полноценного отчёта перед щедрыми спонсорами, надо понимать), его суровые северные черты.... Павлик, ты же мне – по жизни – верный товарищ? Поможешь отдраить котелки, вилки и всё прочее?

– Стопудово. Без вопросов и даже с удовольствием.

– Молодец, Рыжий. Никаких сомнений, если честно, у меня не было и в помине.... Текс. Я сложу в маленький котелок кружки, а ты забирай крышки от котелков, предварительно поместив в них грязные вилки-ложки.... Готов? Тогда, уважаемый коллега, следуй за мной...

От вершины холма – строго на север – вела хорошо-натопанная тропа. Вела-вела, а метров через сто пятьдесят выводила к роднику.

Наталья вывалила кружки на плоскую моховую кочку, вынула из большого котелка маленький, зачерпнула в одну из посуды родниковой воды, достала из кармана штормовки плоский флакон с моющим средством, две тряпочки и, протянув одну из них Назарову, велела:

– Намыливай ложки-вилки. Только тщательно и усердно, без дураков и халтуры.

– А ты, оказывается, мышка запасливая, – принимаясь за работу, одобрил Пашка.

– Как и полагается будущему буровому мастеру. В полном соответствии с его типовыми должностными обязанностями.

– Молодец. Настоящая отличница.... Слушай, Птичка, поможешь мне в одном важном деле?

– Помогу. Если, конечно, смогу. Излагай.

– Давай, я за тобой немного поухаживаю, а?

– Это, извини, в каком же смысле? – насторожилась девушка.

– В самом прямом. Сделаем вид, что между нами разгорается жаркая и страстная любовь-морковь...

– Чтобы ветреная Лизавета, приревновав, забыла про импозантного и сексапильного начальника метеостанции?

– Ага, – смущённо вздохнул Назаров. – Именно для этого. Чтобы позабыла.

– Дурак ты, Рыжий. И, что характерно, не лечишься. Только и горазд, что пиво, меры не зная, хлебать.

Натка аккуратно поставила намыленный котелок на кусок базальта, выпрямилась, примерилась, от души вмазала по чёрному боку безвинной посуды носком резинового сапога, развернулась и, не оборачиваясь, торопливо зашагала к вершине холма.

– Бам-м-м! – улета в высокие кусты голубики, насмешливо пропел котелок.

– Нехорошо, ёлочки зелёные, получилось, – досадливо шмыгнув носом, пробормотал Пашка. – Теперь, ясен пень, придётся мыть посуду в одиночку...

Коротко попрощавшись с зырянами, успешно спилившими своего Идола, путешественники двинулись на северо-запад.

– Не забудьте, однако, вернуться, – проворчал им вслед старый Вогул. – Искатели приключений.

– Аномальщики хреновы, – презрительно сплюнув под ноги, добавил темнолицый Никша.

Когда отряд спустился с холма, под подошвами резиновых сапог вновь противно зачавкало.

– Очередное северное болотце, – показательно-весёлым голосом известил Назаров. – Ух, ты, сколько цветущей морошки! Посмотри, Птичка, направо. Прямо-таки, белый пушистый ковёр.... Правда, красиво?

Лишь хмурое молчанье было ему ответом.

– Нехорошо, конечно, получилось, – покаянно заканючил Пашка. – Отвратительно, глупо и невежливо. Это я, не подумавши, брякнул. Сдуру. Заканчивай дуться.... Ну, прости меня, добрая и милая Птичка, пожалуйста. А?

– Хорошо, я попробую, – покладисто пообещала девушка. – Шагай, Рыжий, шагай. Не спи, родное сердце.... Говоришь, ковёр из цветущей морошки? Разве же это ковёр? Так, ерунда несерьёзная. Вот, на моей Родине, на Чукотке, морошки – в разы больше. Там сейчас вся бескрайняя тундра стоит белым белом....

Через два часа хвойный болотистый лес неожиданно расступился в стороны.

– Ни фиги же себе! – восхитился Пашка. – Натуральная картина маслом под условным названием: – «Не ждали, дурилки картонные? Тем не менее, получите сюрприз. И расписаться в получении не забудьте....». Как оно тебе, Птичка?

– Не подлизывайся, Рыжий, – недоверчиво хмыкнула Наталья. – Разговорчивым таким стал, это что-то: – «Ой, Птичка, посмотри, какие симпатичные белые цветочки. Ой, какой необычный и прекрасный пейзажик....». Тьфу, да и только. Дипломат выискался.... А картинка, тем не менее, достойная. Спорить не буду. Неожиданная и заслуживающая уважения...

На пышных зелёных мхах, слегка разбавленных светлыми корзинками цветущей морошки, лежали толстые, абсолютно-белые стволы деревьев, размещённые по гигантским окружностям и направленные – своими вывороченными корневищами – в сторону единого, невидимого невооружённым глазом, центра.

Отряд остановился, путники собрались-скупчовались возле разлапистого, неправдоподобно-белоснежного соснового корня-выворотня.

– Когда-то, примерно сто пятьдесят-шестьдесят лет тому назад, здесь упал метеорит, – приступил к пояснениям Сергей. – Нет, конечно же, не такой большой, как на Подкаменной Тунгуске, в десятки раз меньше. Но тоже натворил всяких нехороших дел: ударной волной весь здешний лес выворотило с корнями, поубивало всякую живность, реки и ручьи вынуждены были искать-пробивать новые русла. За прошедшие годы все эти упавшие деревья превратились в идеальное топливо для костров, а животные, птицы, змеи и даже насекомые с тех самых пор эту долину обходят, оползают и облетают стороной.

– Давайте, сходим к центру данного необычного натюрморта, на который указывают стволы упавших деревьев? – предложил белобрысый Женька Петров. – Интересно же....

– Очень интересно! – поддержала брата-близнеца не менее белобрысая Валентина Петрова. – Вполне возможно, что найдём там метеоритные осколки. Говорят, что они стоят прямо-таки бешеных денег. Разбогатеет до неприличия. Ну, или просто, по благородному, сдадим их в клубный музей.... Пошли?

– Опоздали вы, двойняшки, – отрицательно дёрнул щекой Подопригора, отчего его толстый тёмно-фиолетовый шрам неодобрительно задрожал. – В тридцатые годы прошлого века здесь целый летний сезон отработала – по полной программе – научно-исследовательская экспедиция, направленная сюда по личному распоряжению самого товарища Сталина. Вон, слева, в полукилометре, корячится тёмное пятнышко. Видите? Это развалины тех экспедиционных строений.

– Научно-исследовательская экспедиция, искавшая здесь осколки упавшего метеорита? – задумчиво протянула Натка. – Говорите, что в тридцатые годы прошлого века? Интересные, однако, дела.... Надо обязательно подойти к этим развалинам. Лично мне – надо.

– Зачем? – удивился Палыч. – Ну, старый покосившийся барак. Подумаешь. В этих суровых местах такого добра – без счёта. А дело, тем временем, неуклонно движется к вечеру....

– Мне надо. Очень.

– Птичка не умеет капризничать, – заверил Пашка. – Раз сказала, что надо, значит – надо. Уважим барышню. За мной, соратники!

Старая длинная избушка неумело пряталась в густом неполовозрелом ельнике, метрах в десяти-двенадцати от чёрной приметной базальтовой скалы, чей внешний облик – неуловимо и ненавязчиво – напоминал о существовании в нашем бренном Море загадочных и таинственных – «Всадников-без-головы».

Когда-то давно это была крепкая изба-пятистенки, но Время, как известно, безжалостно и неумолимо. Сейчас брёвна этого покосившегося строения почернели, покрылись лохматыми разноцветными лишайниками и местами прогнили насквозь. На крыше, поросшей зелёным мхом, насмешливо шумели на ветру своими ветками-листочками несколько взрослых берёз и осин. Было видно, что бывшие хозяева строения пытались дополнительно укрепить и утеплить избушку: местами бревенчатые стены были обмазаны толстым слоем серо-коричневой глины, местами – обложены дёрном. Окон не было вовсе. Покатая крыша, сработанная из узких древесных плах, нещадно перекосилась. На нижнем венце избы ещё можно было разобрать вырубленные некогда топором цифры и буквы: – «17.07.39. Лёня Кулик».

– Здравствуй, прадедушка, – осторожно касаясь пальцами текста, вырубленного в бревне лиственницы, прошептала Наташка. – Надо же, свиделись. Бывает.

– Э-э-э, ничего не понимаю, – потеряно забормотал Профессор. – Не может быть. «Кулик».... Что же это такое? Вы, Птичка, не однофамилица знаменитого...м-м-м, изыскателя? А....

– Правнучка. Он – мой прадед по отцовской линии.

– Но, позвольте, как же...

– Так же. Общеизвестно, что Леонид Алексеевич Кулик руководил несколькими научными экспедициями, направленными на Среднесибирское нагорье – к месту падения легендар-

ного Тунгусского метеорита. Но, помимо этого, он посещал и другие места, где – по народным преданиям и поверьям – с неба падали крупные неопознанные космические объекты. Кольский полуостров в районе среднего течения реки Умбы. Пустынная долина чуть южнее Самарканда. Болотистая низменность в Республике Коми. Данная конкретная болотистая низменность, получается...

– Завидую, Птичка, – признался Назаров. – У меня с родственниками, наоборот, полная труба. В том смысле, что нечем похвастаться.

– Что же так? – елеино пропела Лизавета. – Одни сплошные алкоголики и тунеядцы в роду?

– Типа того. Виноват. Исправлюсь. Ладно, братья-сёстры аномальщики, пошли дальше. Мать его.... Опаньки! А это ещё что за хрень? Вон, напротив солнца?

Над странной северной долиной, наполненной белым цветом, плавно парил, почти неподвижно зависнув в воздухе, угольно-чёрный, местами угловатый силуэт: сплошные перепончатые крылья, из которых стыдливо высовывалась-шевелилась маленькая уродливая голова на тоненькой длинной шее.

– Классический птерозавр⁶, – невозмутимо поправляя очки на длинном носу, известил Профессор. – Очень славный и, безусловно, достойный экземпляр. Без вопросов.... Елизавета, душенька, попробуйте его сфоткать на мобильный телефон.

– Ничего не получается, Палыч, – через минуту сообщила девушка. – Не работает мой мобильник. Не желает включаться.

– А что у остальных?

Вскоре выяснилось, что мобильная связь пропала у всех без исключения. Да и обычные фотоаппараты «щёлкали» вхолостую, не фиксируя изображений.

– До холма, на котором растёт Мутный Лес, осталось не так и далеко, – проинформировал Сергей. – Километра четыре с половиной до Малой Мутной. И примерно столько же предстоит пройти после намеченной переправы. Телефоны и фотоаппараты не функционируют? А что у нас, Рыжий, с армейскими рациями? Ну-ка. Приём-приём.... Та же, блин, неприятная история. Тишина и покой. Бывает. Это аномальная зона, скорее всего, так проявляет себя.... Эй, Петровы.

– Уже рисуем, господин проводник. Не беспокойтесь.

– Молодцы, работайте. Пять минут, ребятки, у вас на всё и про всё...

Отряд тронулся дальше. Птерозавр, махнув на прощанье перепончатыми крыльями, направился на восток и вскоре скрылся из поля зрения.

– Слава Богу, что нам с ним не по дороге, – облегчённо выдохнула Валя Петрова. – Очень неуютно, когда над твоей головой кружатся такие раритетные и страхолюдные монстры.

– Ну-ну, «не по дороге», – недоверчиво передёрнул плечами её брат Евгений. – Может, он, направляясь к Мутному Лесу, просто такой широкий круг заложил? Типа, старательно заматаывая следы, головы нам морочит? Ей-ей, не удивлюсь...

Минут через двадцать впереди послышался приятный мелодичный звон, постепенно переросший в весёлый и беззаботный гул. Пройдя через густой колючий кустарник, они вышли на высокий берег речки, выше по течению которой располагался величественный трёхметровый водопад.

– Чудесное и замечательное местечко! – обрадовалась впечатлительная Наташка. – Очень красивое.... А что это за река? Малая Мутная?

– Нет, безымянный приток Малой Мутной, – пояснил начальник метеостанции. – Вдоль этого притока мы и пойдём дальше.

⁶ – Птерозавры – ближайшие родственники динозавров, первые крупные позвоночные, развившиеся до состояния подняться в воздух и вести соответствующий образ жизни.

– Кстати, этот симпатичный водопад слегка напоминает тюльпан. Водяной тюльпан, я имею в виду.... Неужели, это упавший с неба метеорит так постарался?

– Ну, у тебя, Птичка, и фантазия, – восхитился Пашка. – Богатая и необузданная. Так и хлещет через край.

– Причём здесь – моя бескрайняя фантазия? Вот, сам посмотри. Скала, а в ней имеются три большие дырки с неровными краями, через которые и стекает речная водица. Кто, спрашивается, пробил эти отверстия? Неужели, Александр Сергеевич Пушкин? Молчишь, Рыжий? То-то же.... Я думаю, что дело было так. Метеорит, войдя в нижние слои атмосферы, разделился на несколько частей. Основное тело, повалив деревья, упало в болотистую долину, через которую мы недавно прошли. А три мелких осколка долетели до речного берега и прошли насквозь данную базальтовую скалу. Как вам, коллеги, такая версия?

– Элегантная и логически-выверенная, – согласился Иван Палыч. – Ты, Птичка, достойная правнучка своего знаменитого прадеда.

– Польщена и тронута.

Через некоторое время путники вышли к месту впадения безымянной речушки в...

– В морской залив? – предположил Назаров. – До противоположного берега, частично скрытого туманной дымкой, будет километра полтора. Никак не меньше.

– Сам ничего не понимаю, – задумчиво поглаживая подушечками пальцев кривой тёмно-фиолетовый шрам на физиономии, признался Сергей. – Месяц назад здесь не было ничего подобного, а ширина Малой Мутной не превышала девяноста метров. Наверняка, без вредной старухи-шаманки здесь не обошлось...

– Подозрительная бабка наколдовала-организовала серьёзную плотину? – недоверчиво улыбнувшись, предположила Натка. – А после этого река вышла из берегов и затопила окрестности?

– Похоже на то. На Малой Мутной островов отродясь не было. А сейчас что мы наблюдаем? Справа – самый натуральный архипелаг. Слева наблюдается аналогичная картина. Откуда, интересно, они взялись?

– Аномальные локальные проявления, – в очередной раз поправляя на длинном носу профессорские очки, известил Иван Палыч. – Подлежащие, понятное дело, нашему вниманию и пристальному изучению. Чем, собственно, мы и намерены заняться.... Серёжа, а где ты спрятал деревянную лодку?

– В прибрежных кустах.

– Где же они?

– Нету, – картинно развёл руки в стороны Подопригора. – Кругом только камни и сухие ветки-стволы деревьев, выброшенные водой на берег.... Речной водой? Будем надеяться на это...

– Что же мы теперь будем делать? – преданно посматривая на начальника метеостанции, спросила Лизавета.

– Ничего особенного, милая аномальщица. Разведём жаркий костёр. Поставим палатки. Приготовим вкусный и калорийный ужин. Перекусим от души и завалимся спать. Естественно, предварительно составив и согласовав график ночных дежурств. А с утра накачаем наше резиновое плавсредство и – за несколько рейсов – переберёмся через неожиданное водное препятствие.... Кстати, ребята, проверьте мобильники. Вдруг, что.... Не работают? А фотоаппараты? Рыжий, что с рацией? Приём-приём.... Понял, не дурак. Ладно, не будем расстраиваться. Петровы.

– Всё нарисуем, командир. Не сомневайся. В лучшем виде...

Ночь (белая, даже белее питерских), прошла относительно спокойно. Россыпи блёклых звёзд задумчиво мерцали в вышине. Успокаивающе, загадочно и мечтательно потрескивал

костерок. Только из таёжных зарослей, начинавшихся метрах в семидесяти-восемидесяти от речного берега, время от времени доносились разнообразные звуки: жалобное попискивание, тревожный шорох, угрожающее рычание, язвительный хохот.

– Ночной филин, зараза, старается, – ласково поглаживая ладонью приклад карабина, заверил Пашка. – Ерунда, по большому счёту.

– И порывкивал – минут десять тому назад – тоже он? – уточнила Наталья, которой выпало дежурить вместе с Назаровым.

– Конечно. Кто же ещё? Филины, они такие. Горазды подражать всяким и разным голосам. Прямо как, э-э-э... Ну, как там его, затейника? Который муж Аллы Пугачёвой...

– Максим Галкин?

– Ага, он самый. Так что, Птичка, не переживай и не мандражируй. До утра, по крайней мере, доживём.

– Спасибо, Рыжий. Утешил соратницу... А в реке, интересно, кто плещется? Слышишь? Словно несколько деревенских лошадок, заблудившись в дремучей северной тайге, решили принять ночные ванны.

– Таймени, ясен пень, – неуверенно вздохнул Пашка. – Я когда-то читал в журнале «Вокруг Света», что они в тутошних речках вырастают до невероятных размеров. Чуть ли не до ста килограмм... Слушай, а, вот, твой знаменитый прадедущка Леонид Алексеевич. Поиски разных упавших метеоритов и прочих небесных артефактов. Интересное дело, конечно. Понимаю и полностью поддерживаю... А, как и когда, извини, он умер? В одной из многочисленных экспедиций?

– Нет, на войне. В 1941-ом году ему было уже пятьдесят восемь лет, поэтому в регулярную армию не брали. Да и академик Вернадский строго-настрого запрещал даже думать о фронте. Мол, наука гораздо важнее. Но мой прадедущка был очень упрямым и патриотичным человеком. Пятого июля 1941-го года он ушёл в Московское народное ополчение, а в октябре месяце уже всюю воевал. Вскоре был ранен и попал в плен. После выздоровления немцы определили его в госпиталь для военнопленных – санитаром. Там Леонид Алексеевич ухаживал за нашими ранеными и даже помог организовать несколько успешных побегов. А потом заболел сыпным тифом и в апреле 1942-го года скончался.

– Есть чем гордиться, Птичка. Достойная смерть... Кстати, про Вогула. Ты, получается, знакома с ним?

– Нет, сегодня встретились в первый раз, – загадочно улыбнулась Натка. – Наверное, ему про меня рассказал другой шаман. Только не здешний, а чукотский. Говорят, что шаманы – особенные люди, даже умеющие общаться друг с другом на расстоянии.

– Ещё один шаман? Чукотский?

– Я потом расскажу. Позже. Может быть. Если сочту, что ты, рыжеволосый охламон, этого достоин...

Утро выдалось тихим, тёплым и солнечным.

– Справляем, разойдись в разные стороны, естественные нужды, умываемся и приступаем к текущим делам, – на правах командира-проводника объявил Сергей. – Девочки готовят вкусный и сытный завтрак, а мальчики сворачивают палатки и накачивают резиновую лодку.

– Какими составами будем переправляться через речной разлив? – заинтересовался Иван Палыч. – Сколько планируется сделать рейсов?

– За два уложимся, – вывалив из Наташкиного рюкзака толстый рулон ярко-оранжевой прорезиненной ткани, заверил Назаров. – Мне уже приходилось рыбачить с таких лодок. Они, действительно, считаются трёхместными, но только сугубо по суровым «эмчээсным» меркам. Видали по телеку какие сытые и толстощёкие морды у бойцов этого славного ведомства? Каждый индивидуум, честное слово, потянет килограмм на сто двадцать. Опять же, конструктив-

ный запас прочности обязательно должен быть заложен.... Короче говоря, данная надувная посуда с лёгкостью выдержит и четырёх, и даже пятерых среднестатистических – по весу – пассажиров. Причём, с багажом.

– Согласен, – утвердительно кивнул головой Подопригора. – Так и сделаем. В состав первой команды войдут: Палыч, близнецы Петровы и Рыжий. Трое – вместе с перевезёнными вещами – останутся на берегу, а Евгений вернётся за нами.

– Бред бредовый и законченный! – возмутился Пашка. – Женька же subtilный совсем. Какой из него гребец? У меня гораздо лучше и быстрее, гадом буду, получится.

– И лучше, и быстрее. Никто и не спорит. А почему?

– Потому, что я гораздо здоровее.

– Правильно. А ещё взрослее, опытнее и хладнокровнее. Да и стреляешь отлично. Понимаешь, к чему я клоню?

– Не очень...

– Неизвестно, что нас ждёт на том берегу. Всякое может случиться. В том числе, и мало-приятное. Поэтому будешь охранять – до нашего прибытия – Ивана Палыча, Валентину и поклажу. Понятно излагаю?

– Так точно!

– Молодец. Можешь, когда захочешь...

Серая каменная коса. Молчаливая тёмно-зелёная стена леса за спиной. Шустрые солнечные зайчики, беззаботно пляшущие на воде. Голубое бездонное небо над головами. Полное безветрие.

Походный завтрак – жидкая каша «пшеничка» с кусочками краковской колбасы – завершился.

– К отплытию! – скомандовал Сергей.

– Может, сперва мы с Рыжим помоем посуду? – жалостливо вздохнув, предложила Натка. – А уже потом...

– Отставить! К отплытию, я сказал. Пока лодка вернётся, мы посуду раз десять успеем помыть. Да и сполоснуть. К отплытию, родные.... Отдать, мать вашу, концы!

Отдали. Пашка, уверенно забирая вправо, чтобы случайно не налететь на ближайший холмистый остров, активно заработал вёслами.

– Не скушайте, соратники! – прокричал на прощанье Палыч. – Скоро, Бог даст, встретимся!

Берег начал постепенно отдаляться. А потом, когда по водной глади было пройдено порядка двухсот пятидесяти метров...

Плотный туман навалился неожиданно. Только что вокруг было светло и радостно. В голубом небе беззаботно носились-кружили шустрые чёрные стрижи. И, вдруг, за доли секунды всё изменилось – резко и сразу.

– Ничего не видно. Совсем. Ни впереди, ни сзади. Только слева призрачно чернеет островной силуэт, – заволновался Иван Палыч. – Туман густой, как деревенская качественная сметана. Только светло-сиреневый. И тишина.... Гулкая какая-то.словно в подземном бункере, оборудованном на случай наступления Конца Света, предсказанного древними и коварными южноамериканскими жрецами.... Эй, на берегу! Сергей! Лиза! Эй! Отзовитесь кто-нибудь!

– Птичка! Эй! – слаженно подключились близнецы Петровы. – Эге-гей! Куда вы все пропали? Эге-гей!

Ответа не последовало. Более того, и речное эхо, затаившись, упрямо отказывалось проявлять себя. Казалось, что крики – почти сразу – безвозвратно и навсегда тонули в густом сиреновом тумане...

– Надо поворачивать назад, – предложил рассудительный Женька. – Чем быстрее, нет лучше.

– Это точно, – поддержала брата не менее рассудительная Валентина. – Пока окончательно не заблудились в дурацком тумане.

– Ерунду говорите, соратники, – самоуверенно хмыкнул Назаров. – Как здесь, вообще, можно заблудиться? Речное течение, конечно, слабенькое, но, всё же, присутствует. Я его вёслами прекрасно ощущаю. Гребём поперёк течения, и все дела. В любом раскладе, рано или поздно, упрёмся в противоположный берег. Правильно, Палыч?

– Абсолютно верно. Типа – истина прописная. Нам ли, отважным путешественникам и первооткрывателям, бояться какого-то тумана? Как и всех прочих проявлений непогоды? Гребите, Рыжий! Вперёд! За славой и разлапистыми орденами!

За кормой что-то солидно и громко плеснуло. Вернее, кто-то – большой и сильный.

– Ай! – запаниковала Валька. – Хвост! Помогите!

– Ну, хвост, – презрительно поморщился Пашка. – Рыбий...

– Ничего и не рыбий! Ребристый, бугорчатый, буро-зелёный, заострённый.... Крокодилий, вот!

– Так, уж, и крокодилий...

– Ш-ш-ш! – раздалось – со стороны правого борта – громкое и противное шипенье.

– Эта зубастая гадина прокусила нашу лодочную резину! – известил Евгений. – Воздух выходит!

– Ш-ш-ш-ш-ш! – шипенье усилилось.

– Гнида переключилась на левую сторону!

– Рыжий, поворачивай к острову! – велел Иван Палыч. – Он где-то совсем рядом. Борта оседают прямо на глазах.... Поворачивай! Гребите! Шустрее! Наддай!

Назаров ловко развернул лодку на девяносто градусов, носом по течению, и навалился – что было сил – на древки вёсел...

Лодка, уверенно забирая вправо, чтобы случайно не налететь на ближайший холмистый островок, отчалила от берега.

– Не скушайте, соратники! – долетел хриплый голос Палыча. – Скоро встретимся!

Отчалила и, проплыв (пройдя), около двухсот пятидесяти метров, пропала.

В том плане, что скрылась в густом светло-сиреневом тумане?

А не было никакого тумана. По крайней мере, с берега его не наблюдалось – только сплошная водная гладь, тянувшаяся до далёкого противоположного берега, и многочисленные серые и тёмно-зелёные острова.

Резиновая ярко-оранжевая лодка пропала сразу – без предупреждения и следа.

– Как же так? – взволнованно забормотала Натка. – Как же так, Пашенька? Куда же ты подевался, любимый? – через несколько секунд перешла на отчаянный крик: – Павлик! Эй! Где ты, Рыжий? Отзовись! Эге-гей! Пашенька!

– Иван Павлович! – подключился Сергей. – Что случилось? Профессор! Петровы! Эй! Отзовитесь немедленно...

Ответа не последовало. Лишь зловещая тишина висела над Малой Мутной. Гулкая такая. Вязкая.словно в подземном бункере, оборудованном на случай наступления Конца Света, предсказанного древними и коварными южноамериканскими жрецами.... Более того, и речное эхо, затаившись, упрямо отказывалось проявлять себя. Казалось, что людские голоса почти сразу, словно бы сталкиваясь с невидимой прозрачной стеной, обрывались и тонули – безвозвратно и навсегда – в мрачных водах Малой Мутной...

Глава четвёртая

Ретроспектива 002. Птичка, шаманское пророчество

После окончания средней школы у Наташки не возникло никаких проблем и метаний, мол: – «Какую профессию выбрать? В какое высшее учебное заведение поступать?». Все известные ей предки по отцовской линии имели прямое и непосредственное отношение к Ленинградскому Горному Институту имени пламенного революционера Г. В. Плеханова (ныне – Национальный минерально-сырьевой Университет). Причём, к геологоразведочному факультету означенного ВУЗа. И, более того, всю жизнь занимались благородным и нужным делом – бурением в земной коре скважин самого различного диаметра и назначения.

Её прапрадед, естественно, окончил Горный ещё до Октябрьской революции, после чего отбыл в далёкую и суровую Сибирь – искать золотоносные и платиновые месторождения, расположенные в Иркутской губернии. Там и женился, взяв в жёны простую сибирскую девушку, уроженку знаменитого посёлка Бодайбо. А ещё лет через двадцать, сколотив приличный капитал, перебрался с семейством в город Дерпт, нынешнее эстонское Тарту, где и родился Наташкин прадед – легендарный путешественник и исследователь Леонид Алексеевич Кулик.

Надо отметить, что долгие годы дороги Горного института и Леонида Алексеевича не пересекались. Последний – после смерти отца – переехал с родственниками на Южный Урал, в городок Троицк, где успешно окончил местную классическую гимназию. А после этого отправился в столицу и поступил в Петербургский Лесной институт. Отучился он там, правда, всего-то один год, после чего был исключён за участие в студенческих волнениях и, в качестве наказания, призван на военную службу. Окончил Тираспольскую полковую школу, уволился в запас, вернулся в Троицк, подался в большевики, был арестован и осуждён за распространение нелегальной литературы, отсидел в тюрьме, вышел и устроился помощником лесничего. Ничего, короче говоря, значительного, примечательного и интересного.... 1911-ый год стал для Наткиного деда знаковым и переломным: он – в качестве геодезиста – принял участие в работе знаменитой Радиевой экспедиции, возглавляемой В. И. Вернадским. Знаменитый академик приметил любознательного и смышлёного молодого человека, познакомил его со своими научными трудами, а через год с небольшим привлёк к работе в Минералогическом музее при Петербургской Академии Наук. А как можно было всерьёз заниматься минералогией без теснейшего сотрудничества с профессорами и доцентами Горного института? Тем более, что оба заведения располагались в прямом соседстве, на набережной Васильевского острова.... Потом прогремела Первая мировая война, которую Леонид Алексеевич закончил в чине поручика, многочисленные научно-исследовательские экспедиции и увлечение метеоритами. А, как известно, буровые установки действительно и эффективно помогают при поиске метеоритных осколков, скрытых под толщами осадочных пород...

Дед девушки, успешно защитив в Горном кандидатскую диссертацию, уехал в Якутию и занялся поиском алмазов. Успешно, надо отметить, занялся, даже поучаствовал в открытии двух алмазоносных кимберлитовых трубок⁷.

А её отец, окончив Горный институт, уехал по распределению на Чукотский полуостров. Работал в Дукатской, Чаунской и Майской ГРП – в должностях бурильщика, бурового мастера, старшего технолога и начальника участка. В посёлке – «Майский» Наталья и родилась.

Майский – место особенное, расположенное за Полярным кругом, примерно в двухстах семидесяти километрах северо-восточней легендарного города-порта Певек. Болотистая

⁷ – Кимберлитовая трубка – вертикальное или близкое к вертикальному геологическое тело, образовавшееся при прорыве газов сквозь земную кору. Кимберлитовая трубка заполнена кимберлитом, в котором встречаются технические и ювелирные алмазы.

тундра, скучные камни, карликовые берёзы, покатые сопки с чёрными вершинами, бело-серый ягель, беспокойные северные олени, долгая Полярная ночь, бесконечные выюги, пороши и метели, лютые морозы, дикая река Паляваам. И здесь, практически на Краю Земли, вырос вполне даже благоустроенный посёлок городского типа: блочно-щитовые пятиэтажные и даже девятиэтажные дома, типовая школа-десятилетка, два детских садика, кинотеатр, молодёжный клуб, спортивный зал, крытый каток, прачечная, химчистка и даже кафе-бар. Цивилизация, одним словом.... Как такое могло произойти-случиться? Очень просто. Посёлок Майский был построен при ГОКе (горно-обогатительном комбинате), на котором из горной породы, изъятый из земных недр, добывали золото – очень важный для страны Советов ресурс. А Майская ГРП, как раз, и обслуживала означенный ГОК, производя комплексную доразведку золотоносного месторождения на долгие годы и десятилетия вперёд. Поэтому и денег – на бытовые нужды-расходы – у поселкового Совета всегда было в достатке. Даже студенческие строительные отряды – практически со всей страны – приезжали каждое лето в Майский: штукатурили, красили, обустраивали, обновляли, ремонтировали, прокладывали. Делали из посёлка, образно выражаясь, образцово-показательный населенный пункт. Типа – достижения развитого социализма в действии. Смотри и радуйся...

Впрочем, давно это было, ещё до приснопамятной горбачёвской Перестройки. А Наташка родилась в 1992-ом году, когда СССР уже успешно распался, а страна начала – поступательно и неуклонно – погружаться в пучину бестолковых псевдо-рыночных реформ.

Удивительно, но новоявленных российских капиталистов чукотское золото, такое впечатление, совсем не интересовало. Почему? Может, было – просто-напросто – не до него? Мол, надо сперва приватизировать более лакомые и выгодные объекты? Или же, действительно, что-то там не заладилось с производственной рентабельностью, и по-настоящему сработали некие финансовые рыночные механизмы? Трудно сказать.... Тем не менее, для жителей Майского наступили тяжёлые и непростые времена. Первым делом исчезли-испарились – как класс – студенческие строительные отряды. Потом всё-всё начало стремительно дорожать: продукты, одежда, обувь, пиво, водка, сигареты, книги, мебель, мыло, спички, детские игрушки.... А зарплата, если и росла, до гораздо медленнее, чем всё дорожало. Вскоре её стали регулярно задерживать. Комбинат то работал, то останавливался. Да и с бурением скважин наметились существенные трудности-сложности: то солярки не завезли вовремя, то алмазных буровых коронок, то химического промывочного раствора. А когда мало набуренных метров, то и зарплата, понятное дело, получается урезанной...

Посёлок постепенно ветшал: с домов облезала краска, водопровод и канализация постоянно ломались, некогда ровнёхонькие асфальтовые дороги превращались – прямо на глазах – в сплошные колдобины, ямины и рытвины. Поселковые власти только беспомощно разводили руки в стороны, мол: – «Ничем, граждане, не можем помочь! Нет денег совсем. Дай Бог, чтобы хватило на топливо – зиму продержаться.... Если не хватит? Замёрзнем, ясен пень. Всем посёлком, мать его, замёрзнем. Уезжайте, родненькие, пока не поздно, на Большую Землю! Сваливайте – к чёртовой матери...».

Многие жители, уволившись, покинули Майский. Те, понятное дело, кому было – где устроиться и обосноваться на Большой Земле.

Семейству Кулик было, как раз, куда уезжать – ленинградские родственники давно уже звали. Но отец Наташи был человеком совестливым, мечтательным и упрямым. Переживал, осунулся, зубами скрипел, бормотал что-то о подлых предателях и жуликах, но покидать суровые северные края, которым было отдано столько лет жизни, отказывался наотрез.

Восемь лет – переживал, скрипел и отказывался, а потом, вняв уговорам, доводам и мольбам жены, сдался.

Натка только-только закончила первый класс, когда Николай Алексеевич, отводя глаза в сторону, объявил:

– Всё, конец. Хватит мучиться. Так можно и с ума сойти. Сегодня подал заявление на увольнение, а главный инженер ГРП его подписал. Завтра получу окончательный расчёт, а через неделю будет рейс до Певека. Надо вещи собирать.

– Ура, наконец-то! Слава тебе, Господи всемогущий! Сбылись мои заветные мечты! – обрадовалась Наткина мать, а потом засомневалась: – Много ли увезёшь на вертолёте? А, Коля?

– Сама, Веруня, решай. Не маленькая. Что взять с собой, а что оставить.

– Как это – оставить? Выбросить? Ну, ты даёшь...

Вечером следующего дня они с отцом отправились на рыбалку, причём, с ночёвкой. Зачем? Естественно, чтобы попрощаться с чукотской тундрой. Иначе было нельзя. Для тех, кто понимает, конечно.... Тундра, она очень красивая, живая и добрая. В том плане, что живой и доброй тундра бывает поздней весной, летом и ранней осенью. А всё остальное время она снежная, морозная, суровая и мёртвая. Но, всё равно, прекрасная, замечательная и вызывающая уважение....

Почему Наташкина мать осталась дома? Ну, как же, дела. Не до всякой свинячьей ерунды. Мол: – «Надо разбираться с нажитым имуществом. Собирать чемоданы и паковать сумки. А что не поместится, включая мебель, холодильник, телевизор и стиральную машинку, продать. Пусть, и за сущий бесценок. Копейка, как известно, никогда лишней не бывает. Тем более, по нынешним мутным капиталистическим временам...».

Отец и дочь, отважно оседлав старенький соседский мотоцикл «Урал», тронулись в путь. В мотоциклетную коляску они сложили продовольствие, тёплые вещи, снасти и удочки, а Натка расположилась на заднем сиденье, крепко держась ладошками за отцовские бока. Вообще-то, это было – за малостью лет пассажирки – грубейшим нарушением правил дорожного движения, но на заполярной Чукотке такими вещами традиционно пренебрегали, типа: – «В медвежьих углах – свои порядки и устои. Тундра – закон. Пьяный чукча с ружьём – хозяин. Тем более, шальные девяностые на дворе...».

Мотоцикл, сворачивая с одной разбитой дороги на другую, преодолел за час порядка тридцати пяти километров и, устало пофыркивая, остановился на каменистом берегу бойкого ручья, являвшегося полноценным притоком чукотской реки Паляваам.

Николай Алексеевич оперативно настроил две удочки: длинную – для себя, короткую – для Наташки. И, осмотревшись по сторонам, решил:

– Будем рыбачить вон за тем дальним перекатом. Только при забросах сильно удочкой не размахивай, крючок искусственной мушки может случайно зацепиться за прибрежные кусты. Отцеплять потом замучаемся...

За неполные полтора часа они наловили с десятков хариусов – так, ничего особенного, грамм по триста-четырееста каждый. После чего наскоро разбили походный лагерь, собрали – вдоль извилистого русла ручья – сухих веток и коряжин, развели скромный костерок, почистили пойманных рыбин, сварили в мятом котелке наваристой ухицы, похлебали от души и уселись на туристическом полихлорвиниловом коврикe – любоваться на местные природные красоты и пейзажи.

Начиналась вторая декада июня месяца – самый разгар чукотских Белых ночей. На небе не наблюдалось ни единого облачка, а ярко-малиновое солнышко и не думало отправляться на заслуженный отдых. Лишь, соблюдая древний порядок мироздания, ненавязчиво обозначило окончание одного дня и начало дня следующего: солнечный диск плавно – на одну треть диаметра – скрылся за далёкой линией горизонта, после чего замер, а ещё примерно через полторы минуты, словно бы раздумав лечь спать, уверенно двинулся вверх.

– Очень красиво, – вздохнула Натка. – Очень-очень-очень...

С противоположного берега ручья донёсся неясный шум-гам, среди прибрежного кустарника заполошно замелькали тёмные тревожные силуэты.

– Что это такое, папа? – заволновалась Наталья. – Стая полярных оголодавших волков? Они хотят нас покусать?

– Не бойся, девочка, – успокоил отец. – Нет никаких волков. Они ещё по прошлой зиме, спасаясь от лютых морозов, откочевали на юг, в Магаданскую область. Это северные олени кочуют. Меняют одно пастбище на другое.

– Поть, поть, поть, – известил глухой голос. – Привал. Отдыхайте, не ссорьтесь и ждите меня...

– Это же Афоня, – обрадовалась Натка. – Я узнала его по голосу.... Афоня, эй! Иди к нам!

– Иду, Птичка! Иду!

Кем был Афоня? Конечно же, чукчей. Только странным и очень беспокойным. Пропадал, появлялся вновь. И постоянно менял сферу деятельности, что для консервативных и медлительных чукчей не характерно. Бил китов и моржей, добывал песцов и чернобурок, работал на буровых установках помощником бурильщика, принимал участие – в качестве проводника и повара – в многочисленных геологических и геодезических экспедициях, трудился кочегаром в поселковой котельной, ну, и так далее, всего не перечесать. А года три назад Афанасий заделался оленеводом. Причём, успешным и удачливым оленеводом – капризные и своенравные северные олени слушались его беспрекословно. Ещё по посёлку ходили упорные слухи, что Афоня – на самом-то деле – является потомственным чукотским шаманом.... Слухи и слухи. Какой от них толк и прок? Одежды из них не сошьёшь, да в суп не положишь...

Была ли у Афанасия семья? Жена? Дети? Родственники? Никто из жителей Майского этого не знал, а кочевые чукчи, изредка посещавшие посёлок, предпочитали на такие вопросы отвечать крайне обтекаемо и неопределённо.... То же касалось и возраста. Внешне Афоня выглядел лет на шестьдесят пять, но – при плотном общении с ним – собеседники чувствовали (угадывали, догадывались на уровне подсознания?), что он гораздо старше. Гораздо.

Именно этот странный чукча, пригласовавший с Наткиным отцом, и начал именовать её – «Птичкой».

– Натуральная птичка-синичка из весенней чукотской тундры, – ласково улыбался щербатым ртом, в котором наличествовало от силы пять-шесть жёлто-чёрных зубов, Афанасий. – Умная, добрая, трудолюбивая, терпеливая и хозяйственная. Молодец, девонька. И, главное, не меняйся. Никогда и нигде. Ни за какие щедрые обещания и сладкие коврижки...

Вскоре со стороны ручья, ниже по течению, долетели размеренные свистящие звуки – словно бы чёрный шланг, прикрепленный к раструбу мощного насоса и лежавший на дне мелкого водоёма, старательно засасывал в насосную утробу последние литры жидкости.

– Северные олени, уставшие за кочевой переход, пьют воду, – пояснил Николай Алексеевич. – Устали, бедняги. Умаялись.

– Они такие смешные, когда пьют, – хихикнула Наташка. – Бока так и ходят ходуном. Так и ходят. Раздуваются и сдуваются. Раздуваются и сдуваются...

Минут через пять-шесть «насосные» звуки стихли, а им на смену пришло размеренное хлопанье. Вскоре на берег выбрался тёмный неуклюжий силуэт и, приблизившись к костру, превратился в Афонию – старенького, седовласого и улыбчивого. Одет старик был неприятно: выдавшая виды геологическая штормовка, пятнистые армейские штаны, стандартные болотные сапоги. За его узкой спиной располагалась объёмная походная котомка, искусно сплетённая из стволов и веток карликовой берёзы.

– Доброго здравия честным рыбакам! – поздоровался чукча.

– Привет, старина! – синхронно отозвались отец и дочь. – Сколько лет, сколько зим!

Хлопанье – гораздо более частое – возобновилось.

– Ой, это же Лайка перебирается через перекат? – предположила Натка. – Лайка?

– Она самая...

Лайка, как легко догадаться, была лайкой – молоденькой, шустрой и резвой. Вследствие чего вскоре вокруг костра образовался самый натуральный весёлый кавардак, устроенный восьмилетней девчонкой и игривой собакой.

Впрочем, веселье длилось недолго. Афанасий, узнав, что друзья уезжают на Большую землю, искренне запечалился:

– Как же так? И ты, Алексеич, покидаешь наши снежные края? Знать, конец приходит Майскому.... А сколько трудов было вложено в этот посёлок? А в рудник и ГОК? Сколько людских жизней и судеб здесь завершилось? И не сосчитать.... Неужели, всё было зря? Неправильно это. Неправильно...

– Не грусти, дружище, – попытался успокоить старого чукчу Наташкин отец. – Может, я ещё и вернусь. Например, через несколько лет.

– Посмотри мне в глаза, Алексеич. Внимательней смотри, пристально.... Нет, ты на Чукотку больше не вернёшься. Никогда.

– Гав! – печально подрагивая лохматым хвостом-кренделем, подтвердила Лайка. – Гав...

– А я? – тревожно сглатывая слюну, спросила Натка. – Я – вернусь? Вот, смотрю тебе, Афоня, прямо в глаза. Пристально-пристально. Внимательно-внимательно.... Ну, что в моих детских глазёнках увидели твои узкоглазые и мудрые глаза? Я – вернусь? Почему молчишь?

– Не знаю, Птичка, извини, – устало и неуверенно улыбнулся старик. – Не знаю. Не обижайся.... Читать Судьбу – в глазах взрослого, битого жизнью и цельного человека – просто. Раз – и прочитал. Два – и рассказал. Или же предусмотрительно промолчал. Тут, уж, как получится. В зависимости от человека. Ну, и от его прочитанной Судьбы.... Детские глаза – совсем другое дело. Совсем. Они, зачастую, меняются. Причём, чуть ли не каждые полгода. Значит, изменяется и Линия Судьбы – конкретного мальчика. Или же конкретной девочки. Как-то, вот, так. Прости, но не получится – лучше объяснить.

– Значит, ты не сможешь...

– Не смогу – что?

– Предсказать моё Будущее.

– Почему же – сразу – нет? За попытку в наше время, слава Светлым Богам, голов не отрубают и в Сибирь на лесоповал не ссылают.... Не попробуешь – не узнаешь. Камлать, однако, надо. То есть, выражаясь по-вашему, шаманить....

– Я согласна, – заверила Наталья. – Камлай, друг-Афоня! Папа, ты не против?

– Шамань, старина, – согласился Николай Алексеевич. – Почему бы, собственно, и нет? Даже интересно. Столько лет прожил на Чукотке, а при шаманском камлании ещё ни разу не присутствовал. Непорядок.

– Хорошо, сделаю. Только.... Во-первых. Лайка!

– Гав!

– Иди, родная, к олешкам. Иди. Присматривай за ними, непутёвыми и шлобудными.... Во-вторых, мне надо подготовиться.

– Подготовиться – это как?

– Какая же ты, Птичка, любопытная, – покачал головой чукча. – А ещё и дотошная.

– Это плохо?

– Наоборот, очень хорошо. И во взрослой жизни непременно пригодится.... Подготовиться – значит, настроиться на нужный лад. Отрешиться от серых и меркантильных мыслей. Забыть о всяких бытовых глупостях. Переодеться, в конце-то концов.

– Во что – переодеться?

– Сама скоро увидишь. Всё необходимое для камлания лежит в моей котомке.

– А как – «всё необходимое» – туда попало? – никак не могла уговорить Натка. – Значит, ты что-то предчувствовал? Признавайся.

– Может, девочка, ты и права. Даже, наверняка.... Подождите, друзья, немного. Я скоро вернусь...

Лайка, негромко гавкнув на прощание пару раз, умчалась по камням переката на противоположный берег, а её хозяин, насвистывая под нос какую-то тягучую мелодию, направился вверх по течению ручья и вскоре скрылся за прибрежным кустарником и скалами.

К походному костру странный чукча вернулся только минут через пятнадцать.

– Глазам не верю, – искренне удивился Наташкин отец. – Афанасий, ты ли это?

– Я, не сомневайтесь, – подтвердил глубокий незнакомый голос, в котором чётко угадывалась недюжинная внутренняя сила. – По-нашему – шаман. По-вашему – экстрасенс.... Ну, родимые, готовы к камланию?

– Не знаю, – подумав, по-честному призналась Наташка. – А что мы должны делать?

– Ничего особенного. Сидеть, молча, у костра, смотреть на меня и, желательно, думать о чём-нибудь светлом и безгрешном...

Афоня был облачён в длинный и широкий тёмно-бордовый малахай, щедро украшенный разноцветным бисером и блестящими монетками разных диаметров. На голове старика красовалась аккуратная песцовая шапочка с коротким пыжиковым хвостом, а лицо было щедро покрыто чёрными и ярко-красными знаками – вычурными и таинственными.

Шаман несколько раз ударил в бубен и, задрав голову вверх, громко прокричал длинную гортанную фразу. Похоже, что на ночных Небесах его слышали – от тёмной линии горизонта по небу побежали, непрерывно подрагивая, изломанные светло-зелёные полосы.

Удары в бубен становились всё чаще и чаще, а небесные полосы начали причудливо изгибаться и извиваться, меняя и беспорядочно чередуя цвета: светло-зелёный превращался в ярко-голубой, а ему на смену приходил ярко-розовый, сменяемый – вновь – светло-зелёным...

Постепенно вся северо-восточная часть небосклона окрасилась в нежно-мерцавшие пастельные тона и оттенки. Всполохи Северного сияния неистово горели – то расширяясь, то сужаясь, то убегая куда-то к югу и там бесследно пропадая.

Афоня, тем временем, закружился в причудливом танце, полном резких и угловатых движений, а ещё через пару минут запел – на родном древнем языке. Странной была эта песня, напоминавшая – поочерёдно – то раблепную молитву, то яростные и гневные проклятья...

Старик, обойдя несколько раз вокруг костра, по широкой дуге медленно приблизился к Натке, заслоня собой всё и вся. Девочка видела только глаза шамана – чёрные, бездонные, отрешённые и безумно-тревожные. Было легко и невероятно радостно. Душа тоненько звенела и будто бы улетала – в блаженную и неведомую даль. А потом, незаметно для самой себя, Наталья уснула...

Она проснулась уже поздним утром – всюю припекало тёплое летнее солнышко, ласковый южный ветерок нежно прикасался к лицу, бойко и радостно звенел ручей.

Девочка села на старенькой оленьей шкуре, предусмотрительно подстеленной поверх мохнатого ягеля, и с любопытством огляделась по сторонам.

Отец, усердно размахивая удочкой, рыбачил на дальнем перекате. Лайка на противоположном берегу ручья, азартно подгавкивая, гонялась за двумя молоденькими оленями, задумавшими, по всей видимости, совершить легкомысленный побег. А Афоня – прежний, в старенькой штормовке и пятнистых армейских штанах – сутился возле костра.

– О, наша Птичка проснулась-вернулась! – обрадовался старик. – Сиди, не вставай. Я сейчас. Сейчас...

Он, бережно неся в ладони одной руки алюминиевую миску, из которой торчала ручка деревянной ложки, а в ладони другой – большую эмалированную кружку, подошёл уже через пару минут. Подошёл, присел на корточки, одобрительно подмигнул, ловко пристроил миску и кружку на оленьей шкуре, после чего предложил:

- Угощайся, Птичка. Кушай. Пей. Восстанавливай силы.
- Очень вкусно пахнет, – заинтересованно дёргая крыльями носа, одобрила Натка. – Что это такое, Афоня?
- В миске – сорго, сдобренное всякой мясной разностью. Оленина. Вяленая моржatina. Копчёный китовый язык. Пробуй.
- Сорго?
- Ага. Это такая питательная и очень вкусная крупа. Я к ней приохотился, когда плавал, то есть, ходил на американской промысловой шхуне.
- Ты – на американской промысловой шхуне? Сказки сказочные.... А когда это было?
- Давно, Птичка, – печально усмехнулся чукча. – Очень давно. Ты, извини, не поймёшь.... Кушай, кушай. А в кружке – чай, в который я добавил цветков морошки и почки багульника. Запивай.
- Не буду, – заупрямилась Наташка. – Ты, Афоня, для чего камлал? Чтобы рассказать мне о Будущем? Вот, и рассказывай. Не тяни, пожалуйста. Обещания всегда надо выполнять.
- Будь, упрямая, по-твоему. Только.... Почему бы всё это не объединить? Я рассказываю. Ты ешь походный кулёш. Одно не должно мешать другому. Договорились?
- Договорились.... Действительно, очень вкусно. Объединенье сплошное.... Рассказывай.
- Слушай, если хочешь, – поскущел и отвёл глаза в сторону шаман. – Твои ближайшие годы будут непростыми. То есть, наполненными – безо всякой меры – суетой...
- Какой – суетой?
- Всякой. Бытовой, психологической, семейной, философской. Мутной, дёрганной и запутанной, короче говоря.
- А с чего же она возьмётся...м-м-м, эта мутная суета? – непонимающе нахмурилась Натка. – Откуда?
- Оттуда и возьмётся. Ты кушай, Птичка, кушай.... Вы же покидаете родные места, которым отдано много-много лет? По сути, Родину?
- Покидаем.
- Вот, видишь.... Переезд, как известно, дело очень серьёзное и непредсказуемое. Твоей матушке могут приглянуться одни края и определённый образ жизни. Твоему батюшке, возможно, совсем другие. Недопонимание – страшная штука. Страшная, малоприятная и очень коварная.... Не торопись, Птичка, впадать в отчаяние. Трудные годы, они непременно пройдут. Непременно и непреложно. Надо их просто пережить, и не более того. Крепись и веди себя достойно. Главное, не суетись и будь добра ко всем. Это не так трудно и сложно, как кажется. Зато потом, уже на рассвете своей взрослой жизни, ты встретишь Его...
- Его?
- Ага. Короля твоего горячего девичьего сердечка. Твоего будущего мужа и будущего отца ваших общих детишек.
- Как же я его узнаю? Короля?
- Узнаешь, – мудро улыбнувшись, заверил Афоня. – Сердечко обязательно подскажет. Забьётся, задрожит – как лист чукотской карликовой берёзы на суровом осеннем ветру.... Да и внешность у твоего суженого приметная: высокий, широкоплечий, с отчаянными тёмно-зелёными глазами и шикарным рыжим чубом. Трудно, ей-ей, обознаться...
- Высокий, широкоплечий, зеленоглазый и рыжеволосый? – прихлёбывая из эмалированной кружки тундровый чай, задумалась Наталья. – Значит, и я, когда вырасту, стану писаной и высокой красавицей? Типа – девяносто-шестьдесят-девяносто? Как тётеньки-фотомодели в телевизоре? Ну, чтобы прекрасный рыжеволосый принц не прошёл мимо и обратил на меня внимание?
- Красота, Птичка, бывает разной. И размеры-габариты здесь совершенно не причём. Поверь.... Ты, главное, всегда будь рядом с этим рыжеволосым субчиком. Всегда и везде. В

горе и в радости. В бедах и в опасностях. Всё – само собой – и образуется. Непременно и непреложно.

– Всё – это что?

– Счастье, – вздохнул старик. – Простое человеческое счастье...

Надо признать, что шаманские предсказания начали сбываться почти сразу, как только Кулики перебрались в Санкт-Петербург.

Наташкиной матери городская жизнь откровенно и всенепременно понравилась. Она как-то сразу помолодела, кардинально сменила причёску и гардероб (благо, кое-какие деньги с Чукотки, всё же, были вывезены), обзавелась болтливыми подружками и, окончив ускоренные бухгалтерские курсы, устроилась на престижную и высокооплачиваемую работу. С отцом же всё было гораздо сложнее...

Затосковал Николай Алексеевич, откровенно затосковал – по вольной и простой жизни, по верным и многократно-проверенным товарищам, по родимой геологии.... Сколько не старался, но так и не смог найти работы по сердцу. Не смог, и всё тут. А уволившись в очередной раз, усердно прикладывался к бутылке. Хорошенько выпивал, брал в руки старенькую гитару и пел – часами напролёт – всякие грустные и печальные песенки. Например, такую:

Где-то пропела струна – невзначай.
Снова бессонница, снова – рассвет...
Спирт подливается – в жиденький чай.
Братцы забытые, вам – мой привет!

Снова я вижу – горящие в небе – огни.
Снова Чукотка – сияньем – приветствует нас.
И у Певека – застыли опять корабли.
Чукчи без чая – печальный – рассказ...

Всё не сбылось, словно серая – муть.
Нет геологии, нет – и мечты...
Тихо на лица спускается – грусть.
Память – погасшие наши – костры...

Тот – бизнесмен, а вот тот – депутат.
Этот – писатель, а Санька – поэт...
Всё хорошо и прекрасно – во множество крат.
Только геологов – больше и нет...

Только в начале апреля – опять – так светло!
Только в апреле бывает – шикарный – рассвет...
Тот, настоящий.... И дышится, вдруг, так легко!
Братья и сёстры мои, вам, привет!

Братья и сёстры мои – вам – привет...

Через несколько лет, сопровождавшихся затяжными и нудными скандалами, отец уехал в Бодайбо – главным инженером частного прииска, добывавшего россыпное золото.

– Не грусти, доченька, – уговаривал накануне отъезда Николай Алексеевич. – Невозможно обмануть собственную Судьбу. Видимо, мне изначально так было написано на роду –

отправиться в те края, где работал наш далёкий пращур. Продолжить, так сказать, начатое им дело. Золото – металл хитрый и особенный, оно любит преемственность поколений и трудовые династии...

А что Наташка? Она, как и советовал шаман Афоня, крепилась и старалась – изо всех девчоночьих сил – быть доброй, понимающей и терпеливой. Уговаривала, мирила, убеждала и надеялась на родительское примирение. Даже в школе училась строго по графику – год в Питере, год в Бодайбо, год в Питере, год в Бодайбо.... Добиться этого – у современных российских чиновников-бюрократов – было очень трудно, практически невозможно. Но она добилась. Помогло это чему-то и кому-то? Кто знает. Но её родители, встречаясь друг с другом от случая к случаю, сугубо во время отпусков, до сих пор так и не развелись...

Натка окончила среднюю школу (с красным дипломом, понятное дело), в Бодайбо и улетела в Питер – поступать в Национальный минерально-сырьевой Университет. На геологоразведочный факультет? Естественно, семейные традиции, как-никак. Только не на РТ (железо, конечно, дело хорошее и благородное, но, увы, не женское), а на РМ (чистая геология). Но случилась закавыка...

Она вошла в помещение Приёмной комиссии и тут же, за ближайшим письменным столом, предназначенным для заполнения заявлений и анкет, увидела Его – обещанного чукотским шаманом Короля своего горячего девичьего сердечка, зеленоглазого и рыжеволосого. То бишь, Назарова, возжелавшего стать российским буровиком...

– Девушка, вам нужна шариковая ручка? – почувствовав спинным мозгом её восхищённый взгляд, спросил Пашка. – Держите, я уже всё заполнил.... Кстати, вы очень похожи на птичку. Уточняю, на трудолюбивую и хозяйственную птичку-синичку...

Дальше всё было просто, в полном соответствии с мудрыми шаманскими наставлениями, мол: – «Главное, всегда будь рядом с этим рыжеволосым субчиком. Всегда и везде. В горе и в радости. В бедах и в опасностях. Всё – само собой – и образуется...».

Наташка, забыв про элементарную логику и отбросив прочь все разумные сомнения, поступила на РТ. И всегда – за время обучения на первом курсе – была рядом с Назаровым. Решала за него заковыристые задачки по высшей математике и рисовала замысловатые эпюры по начертательной геометрии. Мол, буровик буровику – друг, товарищ и брат.... Пашка записался в секцию дзюдо? И она записалась, даже заняла третье место на университетских соревнованиях. Назаров стал регулярно посещать студенческий клуб – «Аномальщики»? И – она. Он решил отправиться в Республику Коми на поиски новой аномальной зоны? И Наташка – решила.... Длинноногая и смазливая Лизавета с экономического факультета, за которой отчаянно ухлёстывал суженый? Ерунда. Про неё в шаманском пророчестве ничего не было сказано. Следовательно, можно пренебречь...

– Ай, как нехорошо получилось, – прохаживаясь – туда-сюда – по речному берегу, потёрянно бормотала Птичка. – Хуже не бывает. Всего-то один раз отпустила одного, нарушив – тем самым – строгие шаманские инструкции и наставления.... И, что? Тут же потерялся, охладмон зеленоглазый. Дура я, дура. Набитая и уродливая.... Как быть? Что теперь делать? Хотя, кажется, я знаю – что....

Глава пятая

Серые кайманы

Назаров отчаянно, не жалея сил, работал вёслами – только брызги летели во все стороны.

– Ой! Ай! – не престаая, вопила Валентина. – Мамочки мои! Помогите, ради Бога!

– Быстрее! – вторил ей Женька. – Они совсем рядом! Наддай!

«Кто это – они? Валька, кажется, что-то там говорила про крокодилий хвост», – ускоренной чередой пробегали в Пашкиной забубённой голове отрывистые тревожные мысли. – «Мол, заострённый, буро-зелёный и покрытый крупными пупырышками. Откуда взяться теплолюбивым крокодилам в русской северной реке? Бред законченный и не смешной. Да и не рассмотреть ничего толком – мешает дурацкий сиреневый туман.... Чёрт, ход постепенно замедляется, борта лодки опадают прямо на глазах. Надо, пожалуй, поднажать, пока не поздно...».

Лодка резко затормозила, а под её резиновым дном что-то отчаянно заскрипело.

– Остров! – радостно известил Иван Палыч. – Вылезает на берег и оттаскиваем плавсредство в сторону! Рыжий, оставь вёсла в покое! Прибыли...

Они оперативно покинули лодку и совместными усилиями оттащили её от кромки речной воды – по низкой островной косе – метров на двадцать-тридцать.

– Достаточно, – решил Пашка. – Остановились. Ну, кому сказано? Достаточно.... Надеюсь, никто не описался от страха? Хвалю. Кстати, уважаемые соратники, вы же не будете против, если в создавшейся непростой ситуации я нагло узурпирую вакантную должность командира группы? Временно, понятное дело? Так, на мой взгляд, будет проще и эффективней.... А, Палыч? Не против? Без обид?

– Командуй, Рыжий. Без вопросов.

– Спасибо. Значится так. Близнецы освобождают лодку от вещей и внимательно осматривают полученные повреждения и пробоины. А мы с Профессором вернёмся на берег и попробуем – в первом приближении – определиться с текущей обстановкой. Ещё одно, двойняшки.... Эй, почему молчим? Речь – от пережитого ужаса – утратили?

– Ну, чего надо? – сварливо буркнула Валька. – Говори, уж, командир самозванный.

– Носы попрошу не вешать. Ясно? Ничего страшного и непоправимого пока не случилось. Бодрее, ребята, бодрее...

Назаров, недоверчиво поводя стволком карабина из стороны в сторону, остановился в паре метров от уреза речной воды и резюмировал:

– Похоже, что аномальная зона проявляет себя во всей красе. Туман, конечно, мешает рассмотреть всю картинку в целом. Но кое-что – через локальные прорехи – видно. Например, узорчатые листья гигантских кувшинок на воде, украшенные белоснежными, полуметровыми в диаметре цветками. А вон, по мелководью, важно разгуливает парочка голенастых розовых пеликанов. Нехарактерная для сурового русского севера, надо признать, флора и фауна.... Ага, рядом с кувшинками медленно всплыло толстое полуметровое бревно – слегка зеленоватое от старости, покрытое ядовито-голубыми наростами игольчатой плесени. Ещё одно брёвнышко торжественно выплывает из тумана. Ещё...

– Разве у трухлявых брёвен бывают такие янтарно-жёлтые, откровенно-хищные глаза? – невесело усмехнулся Иван Палыч. – Маловероятно, честное слово.

– Кто же это тогда? Местные шуки, сомы и таймени, подвергшиеся активному радиоактивному облучению и от того мутировавшие?

– Нет, Рыжий. Может, к сожалению.

– Почему – к сожалению?

– Многие маститые исследователи аномальных зон привыкли всё непривычное и нетипичное объяснять естественными мутациями. Мол: – «Здесь поработала злая радиация. Или же неизвестные радиоактивные лучи космического происхождения. Вот, изнеженные представители местной флоры-фауны и подверглись серьёзной мутации. Ничего странного и необычного. Обыкновенный природный процесс, полностью объяснимый с точки зрения современного научного мировоззрения...». Удобный, универсальный и комфортный подход. Не правда ли? Но, похоже, на этот раз он не катит...

– Почему – не катит? – всерьёз забеспокоился Пашка. – С чем, собственно, мы столкнулись?

– С необъяснимым природным феноменом, выражаясь казённым официальным языком. А если по-простому, то с невероятной и откровенно-мутной хренью. Дело в том, что я знаком с этими игольчатыми тварями. Уже приходилось, знаешь ли, встречаться.

– С крокодилами?

– С серыми глухими кайманами, – тяжело вздохнув, уточнил Профессор. – Страшные и неадекватные твари. Может, они и не совсем кайманы? Внешне очень похожи на обычных, но чуть помельче и покороче, да и визуальными характеристиками, как видишь, отличаются: чешуя гораздо более светлая, с характерным зелёным отливом, а весь хребет густо оброс голубыми короткими иглами. Глухими же их прозвали за полное и отвязанное бесстрашие – не обращают они ни малейшего внимания на всякие крики, вопли, выстрелы и взрывы. Такое впечатление, что они, вообще, ничего не слышат. А может, наоборот, всё прекрасно слышат, просто бояться совсем не умеют? Отвязанные такие.... Ещё серые кайманы очень упорные – до конца будут преследовать потенциальную добычу, никогда не отступятся от своего. Говорят, что у этих злобных тварей всего два уязвимых места: выпуклое брюхо, покрытое тонкой бледной кожей, и глаза – маленькие, янтарно-радужные, недобро мерцающие, практически волчьи...

– А где и когда, Палыч, вы познакомились с этими милыми «брёвнышками»?

– Давно это было, лет за пятнадцать-семнадцать до начала скоропалительной горбачёвской Перестройки. Наша советская «Зарубежгеология» подписала тогда выгодный и долгосрочный контракт с правительством Парагвая на проведение комплексных геологоразведочных работ в одном перспективном золотоносном районе, расположенном восточнее города Каакупе. Ну, и меня – как перспективного молодого специалиста – включили в состав этой экспедиции. Рад был, как сейчас помню, несказанно. Мол, Парагвай страна мало того, что экзотическая, так ещё и насквозь капиталистическая. Очень уж хотелось посмотреть – собственными глазами – как оно там у них, у загнивающих и поганных буржуинов....

– И как, собственно, оно? – всерьёз заинтересовался Назаров. – Понравилось?

– Сейчас расскажу, не торопи.... Рейс был долгим и нудным: Москва – Берлин – Гавана – Асунсьон. Затянулся, с учётом пребывания на промежуточных аэродромах, чуть ли не на двое суток. Устали, умаялись, замудохались, пропотели насквозь. Наконец-таки, самолёт успешно приземлился в неказистом аэропорту города Асунсьона, столицы вожделенного Парагвая. Вернее, на очень кочковатом травянистом поле, по которому преспокойно и нагло разгуливало приличное стадо бело-пёстрых коз и коров.... Выбрался я по трапу на бетонную дорожку, покрытую густой сетью узких трещин, огляделся, принимаюлся. Б-р-р-р! Ощущения были, прямо скажем, несколько странноватыми и откровенно-негативными. Остро и однозначно пахло провинциальным российским Урюпинском.... Тебе, Рыжий, не доводилось посещать Урюпинска? Напрасно, честное профессорское. Познавательное и весьма полезное мероприятие. Как сейчас помню: пять крутых холмов, на четырёх из которых располагались зоны для уголовников, а также для прочих преступных лиц, осуждённых по знаменитой пятьдесят восьмой Статье.... В Асунсьоне холмов, правда, не наблюдалось – лётное поле со всех сторон было окружено пыльно-зелёной стеной густого тропического леса, местами прорезанной крышами

каких-то неказистых строений. Но пахло там совершенно так же, как и в русском городке Урюпинске: затхлостью, пылью, вечной тоской и полной безнадёгой. Наверное, все глухие провинции нашего скучного Мира пахнут одинаково.... Ладно, прошли паспортный и таможенный контроль, познакомились со встречавшими нас коллегами, влезли в старенький автобус, прибыли в гостиницу, зарегистрировались и заселились в номера. Что надо совершить – первым делом – с дальней дороги? Правильно, справить, никуда не торопясь, естественные нужды и хорошенько помыться под душем. Стал я икать соответствующие профильные помещения, а нет ничего – ни туалета, ни ванной. Спросил у молоденького портье, мол: – «Где в вашем славном отеле располагаются главные блага цивилизации?». А он, зараза смуглолицая, мне и объяснил, ехидно улыбаясь, что все искомые удобства находятся во дворе. Оказалось, что в те времена Асунсьон являлся чуть ли ни единственным столичным городом, где не было ни общественной канализации, ни общественного водопровода. Представляешь? И таким, как выяснилось, бывает ваш хваленый капитализм – с удобствами во дворе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.